

Г. В. Синило

Поэтика Книги Хвалений и мировая лирическая поэзия

В великом поэтическом космосе Библии, а точнее – Еврейской Библии (*Biblia Hebraica*), или Танаха, получившего в Христианской Библии статус первой части – Ветхого Завета, особое место занимают лирические жанры. Именно они оказали большое влияние на последующую поэтическую традицию, как религиозную, так и светскую, и не только в плане философском, идейно-тематическом, но и жанровом, стилистическом, ритмомелодическом. Яркие лирические фрагменты встречаются в эпических и законодательных книгах Торы (Пятикнижия Моисеева), в эпически-хроникальных книгах раздела *Невиим* (Пророки). Силен лирический элемент и в пророческих книгах. Однако полнее всего лирика в непосредственном значении этого слова, как самораскрытие и самоисследование души человека, как род литературы, где, по определению Г. В. Ф. Гегеля, объект тождествен субъекту, представлена в третьем разделе Танаха – *Кетувим* (Писания), или Агиографы (Писания Духом Святым).

Раздел *Кетувим* открывается великолепной антологией библейской религиозно-философской и богослужебной лирики, которую европейский читатель знает как Книгу Псалмов, или Псалтирь. При этом и в иудейской, и в христианской традиции знаменитая книга связывается прежде всего с именем царя Давида и часто именуется Псалмами Давидовыми.

Возьмет ли арфу: дивной силы
Дух преисполнится его,
И, как орел ширококрылый,
Взлетит до неба Твоего!

Так русский поэт-романтик, современник А. С. Пушкина, один из самых ярких поэтов русского Золотого века Николай Михайлович Языков (1803–1846) завершил свое переложение Псалма 14-го (в Масоретской Библии – 15-го), добавив в последней строфе образ, которого нет и не могло быть в подлиннике, – образ самого Давида-Псалмопевца, ставшего олицетворением поэтической мощи и вдохновения. О поэтическом и музыкальном таланте царя Давида мы узнаем еще в Книгах Царств, где сообщается о том, как юный Давид своей великолепной игрой на *нэвеле* (многострунном инструменте, ассоциирующемся у европейцев с арфой) снимал приступы безумия у царя Шауля (Саула). Уже эти хроникально-эпические тексты содержат замечательные по своей экспрессии и поэтической силе фрагменты, вложенные в уста Давида (например, *2 Цар* 22). Известно также, что Давид учредил на будущее сообщества (коллегии) музицирующих певцов. Один из мастеров, Эйтан (Йедутун), был *эзрахи* (туземцем), т. е. ханаанейцем. Таким образом, к древнееврейской гимнической традиции подключаются еще более глубокие корни, уходящие в глубину II-го тыс. до н. э.: известно, что ханаанейско-финикийский регион был местом высокоразвитой музыкальной культуры; здесь впервые был изобретен способ записи нотной грамоты. Следует отметить, что во всем Средиземноморском регионе, во всех древнейших культурах поэтическое слово рождалось вместе с музыкой: на характер музыкального сопровождения указывает последняя строка всех шумерских клинописных табличек; сопровождения на кифаре, флейте, тимпане, лире требовала греческая сольная и хоровая мелика (от греч. *melos* – «напев»); отсюда и упоминания о руководителе хора, а также о характере исполнения, о музыкальном сопровождении в Книге Псалмов, например: «*Мизмор* [Псалом]. Песнь на День Субботы. // Благо [хорошо] славить Господа и петь Имени

Твоему, Эльон, // Возглашать утром милость Твою, и верность Твою – ночью, // На десятиструнной¹ и на нэвеле [псалтири, арфе]², торжественной песнью на кинноре [гуслях]³» (Пс 92/91:1–5; перевод наш. – Г. С.; ср. Синодальный перевод: «Псалом. Песнь на день Субботний. // Благо есть славить Господа и петь имени Твоему, Всевышний, // Возвещать утром милость Твою и истину Твою в ночи, // На десятиструнном и псалтири с песнью на гуслях»).

Слова «псалом» и «Псалтирь» не имеют к ивриту никакого отношения: это следы эллинизма, внесенные еврейскими переводчиками в Александрии, создателями Септуагинты. Греческое слово *ψάλμος* (*psālmos*; отсюда – *Ψάλμος* в Септуагинте, латинское *Psalmus*, немецкое и английское *Psalm*, французское *Psaume*, русское *Псалом*, белорусские варианты *Псальма*, *Псальм* и даже *Псалем*⁴) буквально означает «бряцание по струнам», «игра на струнном инструменте». Применительно к библейской книге оно означает музыкально-поэтическое произведение, требующее сопровождения на каком-либо струнном инструменте. Отсюда название книги в корпусе Септуагинты – *Ψαλμοί* (*Psalmoi*) – Псалмы, а вслед за ней в Вульгате – *Psalmi* (Псалмы), а также *Liber Psalmorum* (Книга Псалмов); далее – *Psalms* в английской Королевской Библии и в Современной Английской Версии; *Psaumes* во французской Библии, *Кніга Псальмаў* в современных белорусских переводах). Слово *Ψαλτηρίον* (*Psalterion*; отсюда – рус. *Псалтирь* и все слова с

---

¹ Музыкальные инструменты, упоминающиеся в Танахе, трудно идентифицировать с современными. *Десятиструнная* – музыкальный инструмент с десятью струнами (в русском Синодальном переводе – *десятиструнное* [орудие]).

² *Нэвель*, или *нэйвель*, – многострунный инструмент; слово чаще всего переводится как *арфа*; в Синодальном переводе – *псалтирь*.

³ *Киннор* – инструмент с четырьмя струнами; в современном иврите понимается как *скрипка*.

⁴ В связи с отсутствием до сих пор общепринятого перевода Библии на современный белорусский язык, сделанного с оригинала (существуют только переводы с латыни, с немецкого и с русского Синодального перевода), нет и устоявшегося термина для передачи слова «псалом».

этим же корнем в других европейских языках: лат. *Psalterium*, нем. *Der Psalter*, древнерус. *Псалтырь*, белорус. *Псалтыр*) впервые появляется у выдающегося еврейско-эллинского ученого, филолога и философа, главы иудейской общины в Александрии Филона Александрийского (ок. 25 г. до н. э. – 50 г. н. э.) и означает некий музыкальный инструмент, похожий на арфу или большие гусли; этому инструменту и уподобляется вся Книга Псалмов. Однако в иудейском каноне сборник носит название **תהילים** <Теги́ллим> – Хваления (от **תהלה** <теги́лла> – «слава», «хвала»), или *Сэфер Теги́ллим* – Книга Хвалений. Слово же «псалом» обычно используется для передачи ивритского **מזמור** <мизмор> – «песнь».

Книга Хвалений насчитывает ровно 150 гимнов (греч. *hymnos* также означает «хваление») – число, созданное скорее всего в целях особой числовой эстетики, ибо многие Псалмы органично подхватывают предыдущие, явно выступая как расчлененные части единого лирического целого. В еврейской традиции существуют свидетельства, что текст членился различно (в аморайских источниках¹ упоминаются 147 Псалмов), а также рукописи, в которых текст делится на 148, 149 и даже 170 Псалмов. Однако при этом текст Книги Хвалений как целое остается одним и тем же. Греческий перевод Танаха – Септуагинта – также включает в себя 150 Псалмов, но они разделены иначе, нежели в масоретской рукописи Библии: обычно в Септуагинте, а вслед за ней и в Славянской Библии (в том числе и в Синодальном переводе) нумерация отстает от масоретской на один номер, исключая *Пс 1–8* и *Пс 148–150*; в Вульгате и всех католических изданиях нумерация следует за Септуагинтой, в Лютеровской Библии и всех протестантских изданиях – за Масорой.

---

¹ *Аморай* (ед. число *амора* – в переводе с арамейского «говорящий», «повторяющий») – создатели Гемары, развернутого комментария на арамейском языке к трактатам Мишны, написанным на иврите. Мишна и Гемара вместе образуют Талмуд. Время жизни амораев – III–V вв.

Вся Книга Хвалений делится на пять меньших книг (*Пс 1–41; 42–72; 73–89; 90–106; 107–150*). При этом каждая из первых четырех книг отделяется от последующих так называемой доксологией – формулой хвалы Богу. Последняя книга не имеет доксологии, так как, вероятно, Псалом 150-й выступает в качестве доксологии ко всей книге. Лексико-стилистические особенности доксологических формул позволяют датировать их временем после Вавилонского пленения (не раньше VI в. до н. э.); в то же время их наличие в Септуагинте свидетельствует о том, что они появились не позднее II в. до н. э. Как предполагают исследователи, доксологии служили завершениями отдельных сборников, которые впоследствии были объединены в единую книгу. В целом становление Книги Хвалений происходило в интервале между X–II вв. до н. э. Наиболее древним сборником внутри книги является первый (*Пс 3–41*). За исключением Псалма 10-го и 33-го все Псалмы этого сборника соотнесены с Давидом. По-видимому, это и было древнейшее ядро, ставшее основой формирования сборника. Второй сборник (*Пс 42–83*) выделяется очень частым употреблением в отношении к Богу формы «множественного величества» – *Эло́гим* – и достаточно редким употреблением Тетраграмматона (непроизносимого четырехбуквенного Имени Бога).

Итак, в Книге Хвалений только 73 Псалма из 150 точно связаны с именем Давида. При этом формула, употребляемая в заглавиях, – **דָּוִד** <ле-Давид> – может указывать на то, что перед нами и «песнь Давида» (т. е. песнь, принадлежащая Давиду), и «песнь для Давида» (т. е. обращенная к Давиду), и «песнь о Давиде» (т. е. о событиях жизни Давида). Кстати, многие Псалмы действительно содержат упоминания о различных эпизодах биографии Давида в том виде, как она изложена в Книгах Царств (отсутствие противоречий в описании событий служит еще одним подтверждением их подлинности). Но в Псалмах важна, конечно же, не внешняя, событийная сторона жизни Давида, а преломление этих событий в его сознании. Перед нами предстает его душа, сложная и противоречивая, способная

на взлеты и падения, мятущаяся, скорбящая и ликующая. Пожалуй, наиболее точное представление о владевших этой душой перепадах настроений, тончайших регистрах чувств, о сложной духовной работе, совершавшейся в этой душе, дает Псалом 18/17-й, практически дословно пере-кликающийся с главой 22-й 2-й Книги Самуила (2-й Книги Царств). Давид поет благодарственную песнь Господу, избавившему его от руки Саула:

Возлюблю Тебя, Господь, сила моя!
Господь – скала моя и крепость моя,
Избавитель мой!
Бог мой – прибежище мое, щит мой,
рог спасения моего, оплот мой.
Господа восхваляемого я призову
и спасусь от врагов моих.
Узы смерти объяли меня,
потоки бедствий устрашили меня,
Муки смертные окружили меня,
сети смерти опутали меня...

(Пс 18/17:2–7; здесь и далее перевод наш. – Г.С.)

Типичная черта в стилистике Хвалений – использование семантического и синтаксического параллелизма, свойственного семитоязычной поэзии вообще и особенно часто встречающегося в древнееврейской поэзии: следующее полустишие или стих в той же синтаксической конструкции варьирует мысль предыдущего или представляет собой антитезу ей; так создается ощущение особой ритмичности мыслей и слов. К тому же такой прием выполняет дидактическую и мнемоническую функции. Образ Бога, призываемого Давидом в последующих стихах Псалма, содержит явные реминисценции угаритского образа бога-громовника Алийяну-Балу (Силача Балу, или Баала Могучего) – наездника туч, заставляющего содрогаться небо и землю. Естественно, эти реминисценции, как и явные антропоморфизмы, используются чисто метафорически, но они свидетельствуют об архаичности самого Псалма:

В несчастье моем призывал я Господа,
к Богу моему я зывал,
И услышал Он голос мой из чертога Своего,
и вопль мой дошел до слуха Его.
Содрогнулась и загнулась земля,
задрожали основания гор от гнева Его.
Дым поднялся от ноздрей Его,
и огонь пожирающий от уст Его...

(Пс 18/17:7–10)

Бог, преломившийся через призму души Давида, выступает в начале Псалма как грозный Бог-Воитель, Бог Сил, или Бог Воинств (*Эль Цеваот*), парящий среди молний над ревущей стихией (как на знаменитой фреске Микеланджело «Сотворение мира»). Однако дальше в космические раскаты Псалма вторгаются совсем иные звуки: после устрашающего грохота и полыхания огня следуют призывы любви и милосердия; вместо акцентирования силы физической подчеркивается сила духовности и нравственной чистоты, открываемая человеком в Боге и в самом себе:

Господь воздал мне по праведности моей,
по чистоте рук моих меня наградил,
Ибо я держался пути Господа,
не отступал от Бога моего,
Ибо предо мною все заповеди Его,
и от законов Его не отступал я.
И я был непорочен пред лицом Его...

(Пс 18/17:21–25)

Грозный, карающий Бог требует чистоты и милосердия, взывает к человеческой совести: воистину, образ Бога достоин души, вынашивающей его. Псалом, вероятно, отразил противоречия души самого великого основателя поэзии Псалмов, – души, знавшей ярость мщенья и щемящее сострадание, ненависть и любовь.

Но в сборнике многие Псалмы абсолютно точно не могут принадлежать Давиду, потому что связываются с другими псалмповедами (Этаном, Асафом, сыновьями Кораха,

или Корея, сыном Давида Соломоном и др.) или говорят о событиях, происходивших через несколько столетий после смерти Давида. Таков, например, знаменитый Псалом 137/136-й:

На реках вавилонских –
там сидели и плакали мы,
вспоминая Сион.
На ивах, среди той страны
Наши кинноры повесили мы,
Ибо там пленившие нас
Требовали песен от нас,
И веселья – притеснявшие нас:
«Спойте нам из песен Сионских!»
Как петь нам песнь Господню
На земле чужой?
Если я забуду тебя, Иерусалим,
Пусть забудет меня
Десница моя!
Пусть прилипнет язык мой
К гортани моей,
Если не буду помнить тебя,
Если не поставлю Иерусалим
Во главе веселья моего...

(Пс 137/136:1–6)

Обсуждая этот Псалом, написанный, несомненно, в Вавилонском плену (т. е. в VI в. до н. э.), еврейские экзегеты пришли к выводу, что создали его прямые потомки пророка Моше (Моисея), ведь он происходил из колена Леви, и его потомки служили в Скинии Завета и Иерусалимском Храме. Древняя Агада сообщает, что сыновья пророка, не желавшие услаждать врагов на глумливом пиру, профанировать святое искусство, откусили кончики своих языков и пальцев, чтобы никто не смог заставить их петь и играть. С точки зрения христианских экзегетов, Псалом был создан пророком Давидом, предвидевшим бедствия Израиля и Иерусалима – то, о чем позднее более определенно будет пророчествовать пророк Иеремия и что случится на его веку (безусловно, Псалом содержит переключки с Книгой Про-

рока Иеремии и с Плачем Иереми). В аллегорическом же и мистическом толковании обе традиции проявляют удивительную общность: речь идет об эсхатологическом Спасении праведников, наказании грешников и прощении последних после их истинного покаяния.

Так или иначе знаменитый Псалом стал клятвой верности Богу, вере, родной земле, родной культуре, а для европейских поэтов – еще и клятвой верности поэзии, «святому ремеслу» (выражение русской поэтессы Каролины Павловой¹), которое нельзя профанировать перед глумящейся толпой, перед непосвященными, перед неспособными понять. Эта мысль настолько дорога сердцу каждого настоящего поэта, равно как и сердцу каждого настоящего человека, когда-нибудь испытавшего тоску по поруганной родине и – шире – стремящегося сохранить верность своей вере, родной культуре, себе, – что именно этим объясняется чрезвычайная популярность Псалма 137/136-го в различных культурах: по количеству переложений, подражаний и аллюзий с ним не может соперничать никакой другой. Все «когда-нибудь и как-нибудь» в прямом и переносном смысле «сидели и плакали на реках Вавилонских». Так, белорусский поэт Максим Богданович, переводя в 1915 г. на русский язык стихотворение своего украинского собрата Ивана Франко «На ріці вавілонській...» (1902)²,

---

¹ У Каролины Карловны Павловой (1807–1893) в стихотворении «Ты, уцелевший в сердце нищем...» (1854) сказано: «Одно, чего и святотатство / Коснуться в Храме не могло: / Моя напасть, мое богатство, / Мое святое ремесло». Именно отсюда Марина Ивановна Цветаева извлекла название своего знаменитого эмигрантского сборника – «Мое ремесло» (1923). Благодаря двойной аллюзии (на К. Павлову и на Псалом 137/136-й) через это название М. И. Цветаева выразила веру в свое предназначение, высказала клятву верности поэзии. У К. К. Павловой мотивы Псалма 137/136-го присутствуют на уровне скрытых аллюзий в стихотворении «Нет, не им твой дар священный!» (1840): «Нет, не им твой дар священный! / Нет, не им твой чистый стих! / Нет, ты с песнью вдохновенной / Не пойдешь на рынок их!»

² Стихотворение И. Франко впервые было опубликовано на украинском языке под заглавием «На реках вавилонских тамо седу-

пишет: «На реке вавилонской – и я там сидел, / На разбитую арфу угрюмо глядел...»¹. Через обобщающую парадигму страдания и скорби об униженной родине и разрушенным святыням, представленную в Псалме, через скорбь Ивана Франко в связи с положением Украины, белорусский поэт высказывает свою боль о родной Беларуси, о судьбе своего народа, о собственном бессилии изменить эту судьбу:

Надо мной вавилонцы глумились толпой:
«Что-нибудь про Кармель, про Сион нам запой!»
«Про Сион? Про Кармель? Их уж слава в былом,
На Кармеле – пустыня, в Сионе – разгром!
Нет, другую вам песню теперь изберу:
Я родился рабом и рабом я умру.
Появился на свет я под свист батогов,
Вырос в рабской семье, среди отчизны врагов.
С детства я приучался бояться господ
И с улыбкой смотреть, как гнетут мой народ.
Мой учитель был пес, что на лапки встает
И что лижет ту руку, которая бьет.
Я возрос, будто кедр, что венчает Ливан,
Но душа моя – словно ползучий бурьян.
Пусть я пут не носил на руках, на ногах,
Но ношу в своем сердце невольничий страх.»²

Стихотворение М. Богдановича нельзя назвать переложением Псалма 137/136-го (это вольное переложение переложения И. Франко), но в нем определяющую роль играют мотивы этого Псалма. В русской поэзии его замечательное переложение создал Н. М. Языков:

В дни плена, полные печали,
На Вавилонских берегах

хом...». В архиве М. Богдановича хранился автограф стихотворения с этой строкой в качестве эпиграфа.

¹ Багдановіч, М. *Поўны збор твораў: у 3 т.* / М. Багдановіч; рэд. кал.: В. В. Зуёнак, В. А. Каваленка, А. А. Лойка [і інш]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – Т. 1. – С. 407.

² Багдановіч, М. *Поўны збор твораў: у 3 т.* – Т. 1. – С. 407.

Среди врагов мы восседали
В молчанье горьком и слезах;
Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим:
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Иерусалим».

Нет! Свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
Мы не дадим на посмеянье
Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!
Порвитесь, струны сладкогласны,
Разбейся, звонкий мой тимпан!

Окаменей, язык лукавый,
Когда забуду грусть мою
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою¹.

Псалом 137/136-й завершается страстной надеждой на возмездие, которое свершит Господь, отчаянно-горькими словами о том, чтобы убийцы когда-нибудь почувствовали на своем опыте, что значит, когда убивают их детей, разбивают о камни головы их младенцев, как это было при разрушении Иерусалима Навуходносором: «Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: “разрушайте, разрушайте до основания его”. // Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! // Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Пс 137/136:7–8; Синод. перевод). Сравним с одним из последних по времени поэтических переводов – с переводом израильско-русского поэта, переводчика, знатока Писания Арье Ротмана (род. 1954), вдохновенно и достаточно точно переведшего всю Книгу Хвалений:

---

¹ *Псалтирь в переложении русских поэтов.* – М.: Лествица; Артос-Медиа, 2006. – С. 483.

Град разрушенный, Боже,
попомни сынам Эдома.
Кричали: «Камня на камне не оставляй в нем,
ни врат, ни дома!»
Лежать и тебе в руинах, дщерь Вавилонская,
получишь сполна по злу.
Блажен, кто отмстит тебе мерой за меру:
младенцев твоих возьмет,
размозжит о скалу¹.

На основании этого порыва отчаяния не следует утверждать, что главная тема знаменитого Псалма – месть. И евреи никогда за всю свою долгую историю не убивали ничьих младенцев и не радовались их гибели, а вот их детей убивали – и во время разрушения Иерусалима Титом, и во время многочисленных гонений и погромов новой эры, и особенно во время фашистского геноцида – Холокоста – в XX в. Вот почему под пером выдающегося поэта русского андеграунда Генриха Вениаминовича Сапгира (1928–1999) Псалом 137/136-й становится той призмой, через которую он видит трагические события XX в. В переложении Сапгира соединяются точные цитаты из Псалма (по Синодальному переводу) и авторский текст, сливаются стихии древнего библейского языка, идиша – языка европейских евреев-ашкеназов, немецкого языка, на котором звучат приказы убивать, и родной для поэта (как и для многих советских евреев) русской речи:

1. На реках Вавилонских сидели мы и плакали
– О нори – нора!
– О нори – нора руоло!
– Юде юде пой пой! Веселее! –
смеялись пленившие нас
– Ер зангт ви ди айниге Нахтигаль²
– Вейли башар! Вейли байон!

---

¹ *Книга Хвалений* / пер. с древнеевр. А. Ротмана. – Кирьят-Арба, 2013. – С. 286.

² «Он поет как какой-нибудь соловей» (нем.).

– Юде юде пляши! Гоп – гоп!

2. Они стояли сложив руки на автоматах

– О Яхве!

их собаки – убийцы глядели на нас

с любопытством

– О лейви баарам бацы Цион

на земле чужой!

3. Жирная копоть наших детей

оседала на лицах

и мы уходили

в трубу крематория

дымом – в небо

4. Попомни Господи сынам Едомовым

день Ерусалима

когда они говорили

– Цершторен!¹ приказ № 125

– Фернихтен!² приказ № 126

– Фертильген!³ приказ № 127

4. Дочери Вавилона расхаживали среди нас

поскрипывая лакированными сапожками –

шестимесячные овечки

с немецкими овчарками

– О нори – нора! руоло!

Хлыст! Хлыст! –

Ершиссен⁴

5. Блажен кто возьмет и разобьет

младенцев ваших о камень⁵.

Воистину, Псалом 137/136-й наглядно демонстрирует, какие безграничные возможности таит в себе библейский текст. Только через призму этого Псалма можно изучать

---

¹ «Разрушить!» (нем.).

² «Уничтожить!» (нем.).

³ «Расплавить!» (нем.).

⁴ «Расстрелять» (нем.).

⁵ Сапгир, Г. В. *Избранные стихи* / Г. В. Сапгир; вступ. А. Битова. – М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1993. – С. 77–78.

идейно-художественные установки той или иной эпохи, особенности той или иной национальной культурной и литературной традиции, того или иного художественного направления, специфику идиостиля того или иного поэта. Так, в эпоху Средневековья в Андалусии великий еврейский поэт Йеѓуда га-Леви (Галеви; ок. 1075–1141) парадоксально переосмыслит горький вопрос Псалма: «Как петь нам песнь Господню / На земле чужой?» Он формально нарушит запрет и запоет «на земле чужой» о тоске по Сиону, о любви к красавице по имени Иерусалим, с которой сердце поэта и сердца всех сынов Израиля связаны вечными узами любви. Так под пером Йеѓуда га-Леви родится новый жанр – *шир Цийон* («песнь Сиона»), или сионида, основной мотив которой – ментальное путешествие в Землю Обетованную, полет через моря и горы к Иерусалиму, чтоб «поцелуем прижаться к камням, пламенем битв опаленным...» (стихотворение «О радость мира, жемчужина стран...»); *перевод Я. Либермана*¹. Один из важнейших поэтических циклов Йеѓуды га-Леви носит название, прямо взятое из Псалма 137-го: *Ширей Цийон* – «Песни Сиона». Он состоит из сионид, которые пронизаны мотивами Псалмов, Песни Песней и пророческих книг, как, например, знаменитая сионида «Узники Сиона» (т. е. связанные узами любви с Сионом, точнее – с ней, с Цийон):

...Я б крылья иметь хотел, к тебе бы я полетел,
Израненным сердцем пал на раны земли твоей,
Обнял бы вершины скал, и камни твои ласкал,
Упал бы лицом во прах, лежал бы в пыли твоей.
<...> Как вспомню я Оголу – отраву, как воду, пью,
А вспомню Оголиву – и пьян я бедой твоей.
Но дева Сиона вновь рождает в сердцах любовь,
Ты верных друзей влечешь красой молодой твоей.

---

¹ *Тридцать три века еврейской поэзии* / сост., предисл., историко-лит. и биографич. справки, примеч., ред. стихотв. переводов Я. Л. Либермана. – Екатеринбург; Каменск-Уральский: Изд-во КАЛАН, 1997. – С. 153.

(Перевод А. Гинзай)¹

Неслучайно поэма великого немецкого романтика (и еврея по происхождению) Генриха Гейне, посвященная Йеѓуде га-Леви (сборник «Романсеро»), открывается парафразом знаменитых строк Псалма 137-го:

“Lechzend klebe mir die Zunge
An dem Gaumen, und es welke
Meine rechte Hand, vergäss’ ich
Jemals dein, Jerusalem...”²

«Да прилипнет в жажде к нёбу
Мой язык, и да отсохнут
Руки, если я забуду
Храм твой, Иерусалим!..»

(Перевод В. Левика)³

В оригинале Гейне более близок тексту Псалма: «...и отсохни / Моя правая рука, если я забуду / Когда-нибудь тебя, Иерусалим...».

В переломном для европейской культуры XVI в. Псалом 137/136-й превращается под пером французского поэта-гугенота Саломона Сертона (1550–1614) в политическую поэму, обличающую виновников кровопролитных религиозных войн во Франции. В этом же веке великий португальский поэт Луис де Камознс (ок. 1524–1580) в рендондиле «У чуждых вавилонских рек...» с помощью мотивов Псалма 137/136-го выражает свою этическую позицию, резко противопоставляя чувственность и духовность, плотскую и возвышенную любовь. Мотивы, связанные со зна-

---

¹ Йегуда Галеви. *Сердце мое на Востоке* / Йегуда Галеви; пер. с иврита Л. Пеньковского и А. Гинзай; вступ. ст., общ. ред. и коммент. И. Белова (А. Ротмана). – Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. – С. 33–34.

² Heine, H. *Das Glück auf Erden: Ausgewählte Gedichte; Deutschland. Ein Wintermärchen* / H. Heine. – М.: Progress, 1980. – С. 361.

³ Гейне, Г. *Собр. соч.: д 6 т.* / Г. Гейне; под общ. ред. А. Дмитриева, А. Карельского, Е. Книпович. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 2. – С. 112.

менитым Псалмом, звучат и в сонетах Камоэнса, как, например, в сонете «Я вспоминал на берегу Евфрата...»:

Я вспоминал на берегу Евфрата
О славе той, что пронеслась, как сон.
И ты, благословенны мой Сион,
Был осенен крылом ее когда-то...
(Здесь и далее перевод В. Игельницкой)¹

Эти мотивы помогают великому поэту трагического Позднего Ренессанса выразить критическое отношение к своему времени и верность самому себе и своему предназначению – например, в сонете «Здесь, в этом Вавилоне...»:

Здесь, в этом Вавилоне, где не счесть
Всех преступлений злата и порока,
Где правит ложь и у ее порога
Забыта совесть и распята честь,
Где зло царит и торжествует лесть,
Добро глядит затравленно, убого,
А тиранию славят, словно Бога,
К вершинам власти только бы пролезть.
И в этом хаосе, круговращенье,
Где благородство, мудрость и закон
У низости в нижайшем подчиненье,
Я завершить свой путь приговорен,
Собой оставшись в общем помраченье.
И мне ли позабыть тебя, Сион!²

Подобные примеры, кажется, можно приводить бесконечно.

Но вернемся к самой Книге Псалмов и к проблеме авторства. Ныне библеисты не сомневаются, что древнейшие Псалмы действительно принадлежат Давиду. Однако далее основанную великим Псалмопевцем традицию – традицию

---

¹ Камоэнс, Л. де. *Лузиады; Сонеты*: пер. с португ. / Л. де Камоэнс; редкол.: Н. Балашов, Ю. Виппер, К. Долгов [и др.]; вступ. ст. и коммент. О. Овчаренко. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 424.

² Камоэнс, Л. де. *Лузиады; Сонеты*. С. 423.

благодарственных песнопений, взываний и жалоб, обращенных к Богу, – продолжили другие поэты-псалмопевцы, для которых личность Давида стала своего рода парадигмой интимного духовного опыта, а его образ – олицетворением поэта.

Сверхзадача Псалмов – осмысление пути человека в мире, пути к Богу и перед лицом Бога. Именно поэтому книгу открывает Псалом, построенный по принципу антитезы, где перед нами альтернатива: путь праведных – путь грешных. Псалом 1-й задает тон последующим нравственным и философским размышлениям, утверждает идею свободы выбора и сопряженной с ней ответственности, определяет эталон праведного бытия:

О, благо тому,
кто совета с лукавыми не устроил,
на стезю грешных не вступал,
между кощунниками не сидел;
но в Законе Господнем – радость его,
слова Закона в уме его день и ночь.

Он как дерево, что насаждено
у самого течения вод,
что в должное время принесет плоды,
и не увянут листья его.

Устроится всякое дело его.

Грешные не таковы,
они – как развеваемый ветром прах.

Грешные на суде не устоят,
лукавым меж праведных места нет;

путь праведных ведает Господь,
но потерян лукавых путь.

*(Пс 1:1–6; перевод С. Аверинцева)*¹

---

¹ Псалмы Давидовы // Собрание сочинений. Т. 1: Переводы: Евангелия; Книга Иова; Псалмы Давидовы / С. С. Аверинцев; под

Заметим, что среди существующих переводов Псалмов на русский язык переводы С. С. Аверинцева, несомненно, являются лучшими: в них передан не только смысл, но и особый ритм, а это не очень просто, ведь в иврите каждое слово в среднем в два раза короче, чем в русском, все звучит гораздо резче, рельефнее. Кроме того, переводчик должен учесть тончайшие нюансы и оттенки смыслов, которые открываются за каждым словом библейского текста. Разумеется, подобные трудности ожидают переводчика любого подлинного шедевра на любой язык, однако в случае со Священным Писанием автор перевода должен чувствовать особую ответственность. Неслучайно, предвзяв первую публикацию своих переводов из Псалтири, С. С. Аверинцев пишет: «...греческий перевод, используя опыт античной философской лексики, вносит уровень абстрагирования, чуждый Ветхому Завету. “Всемогущий” – славянская калька греческого слова (либо “пантодинамос”, либо “пантократор”), дающая в свернутом виде отвлеченный тезис догматического богословия: “Бог может все”. Но еврейское “Шаддай”, по действию народной этимологии вызывая мысль о сокрушительной мощи Бога, совершенно не имело привкуса теологической абстракции; оно апеллирует не к рассуждению, а к опыту. (Мы передавали его выразительным славянским словом “Крепкий”). И еще одно замечание. Древнееврейская поэзия держится на тоническом ритме, то есть на более или менее регулярном счете ударных слогов при варьирующемся числе безударных. Мы сохранили этот принцип, но позволили себе несколько утрировать ритмичность, чтобы передать свойство псалма – быть песней. Для богослужебного перевода это не было нужно – в церкви псалом и так поют или читают нараспев. Но перевод для чтения глазами должен вобрать в себя и древнее пение, и древнюю жестикуляцию, телодвижения, покачивание... Ведь это Восток. Как сказано у Пастернака: “...Не домыслы в тупик / По-

ставленного грека...»¹. Добавим, что и для восприятия на слух крайне важна точная передача ритма Псалмов, той особой разреженности акустического пространства, которая позволила Рильке сказать: «И даль пространств, как стих Псалма...» (*перевод Б. Пастернака*).

При первом знакомстве с Хвалениями поражает несоответствие между основным тоном книги и ее названием: собственно хвалений, т. е. славословий Богу, собственно гимнов в ней не так уж много. Гораздо чаще встречаются жалобы и излияния сердца, взывания о помощи, просьбы укрепить дух. Гимн и плач своеобразно переплетаются в этой книге, отражая диалектику самого бытия. Как сказано у Райнера Марии Рильке: «Только тем устам, что могут славить, сетовать пристало». И у него же: «Плач! Разве гимну не младший он брат, но склоненный?» (*перевод А. Карельского*). Плач и гимн, скорбь и ликование – две стороны единого Божественного бытия. Об этом размышляет Псалмопевец в Псалме 57/56-м, начинающемся с надзаголовка: «Начальнику хора. “Не погуби”². Давидов миктам³, при бегстве его от Саула, в пещере» (*Пс 57/56:1; здесь и далее перевод С. Аверинцева*)⁴:

Помилуй, Боже, помилуй меня,
на Тебя уповает душа моя;
укроюсь под сенью крыл Твоих,
покуда не минула беда.

К Богу Вышнему вопию,
к Богу, вызволяющему меня;
Он пошлет с небес помощь ко мне,
губителя смутит моего.

---

¹ *Арфа царя Давида: У истоков древнейшей лирической традиции / вступ. и пер. с древнеевр. С. Аверинцева // Иностранная литература. – 1988. – № 6. – С. 189.*

² Вероятно, указание на мелодию или известный распев.

³ *Миктам* – жанровая разновидность Псалма, точное значение которой не установлено; согласно М. Буберу – «песнь покаянная».

⁴ *Псалмы Давидовы. – С. 402.*

(Села!)¹

Бог ниспошлет милость Свою,
ниспошлет верность Свою.
А моя душа – в кругу львов,
хищники окрест нее,
лютые человечесьи сыны
копья и стрелы – зубы их,
языки – острые мечи.

(Пс 57/56:2–6)²

Такое же обнаженное человеческое страдание выражено и в Псалме 102/101-м:

Не скрывай Твой лик от меня,
в день бедствия моего
приклони ко мне Твой слух!
Когда я взываю к Тебе,
скоро услышь меня!
Ибо дни мои тают, как дым,
и кости мои горят, как огонь;
сердце мое скошено, как трава, –
позабыл я есть мой хлеб!
От силы стенания моего
присохла к коже моя кость...

(Пс 102/101:3–7)³

---

¹ *Села*, точнее – *сэла*, – слово, значение которого до сих пор не выяснено. Оно встречается в Псалтири 71 раз и служит, возможно, какой-то музыкальной или литургической пометой. Как отмечает С. С. Аверинцев, «она лишний раз напоминает, что речь идет о тексте, предназначенном не просто к чтению глазами, но к проговариванию и выпеванию» (Аверинцев, С.С. *Комментарии к Псалмам Давидовым* / С. С. Аверинцев // *Собрание сочинений. Т. 1: Переводы.* – С. 456).

² *Псалмы Давидовы.* – С. 402.

³ Цит. по: Аверинцев, С. С. *Древнееврейская литература* / С. С. Аверинцев // *История всемирной литературы: в 9 т.* – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – С. 288.

Но из бездны страдания и падения начинается восхождение человеческого духа, из мрака отчаяния рождается свет ликования:

Превыше небес, Боже, восставь,
распрости над землей славу Твою!

Для стопы моей уготовали сеть –
и поникла душа моя;
вырыли яму на пути моем –
и сами пали в нее.

(Села!)

Боже, готово сердце мое,
готово сердце мое!
Воспою, воспою Тебе хвалу;
песнь моя, пробудись!
Арфа, проснись, цитра, проснись,
я разбужу зарю!

Господи, среди народов скажу о Тебе,
меж племен воспою Тебе хвалу,
ибо до небес – милость Твоя,
до облаков – верность Твоя.

Превыше небес, Боже, восстань,
Распрости над землей славу Твою!

(Пс 57:6–12)¹

Как и 57-й Псалом, многие Хваления организованы по принципу восхождения от страдания к радости. «От страдания – к радости» – таков вечный путь человеческого духа, и, не зная одного, невозможно познать другое. Особенно ярко и наглядно формула «от страдания – к радости» воплощена в структуре Псалма 77/76-го, который начинается на ноте предельной боли и отчаяния:

К Богу – вопль мой, и я воззову,
к Богу – вопль мой, чтоб внял Он мне!
В день скорби моей

---

¹ Псалмы Давидовы. – С. 402–403.

Господа я взыщу.
Всю ночь простираю руки мои,
не даю им упасть,
не хочет утешиться душа моя!
Помыслию о Боге – и вздохну,
задумаюсь – и никнет дух мой.
(Пс 77/76:2–4)¹

Сомнение и отчаяние достигают предела, соединяясь с мыслью о Богооставленности, о Богопокинутости человека, о прекращении Промысла Божьего:

...беседую с сердцем моим,
размышляю, и вопрошает дух мой:
иль вовек отринул Господь
и не станет более благоволить,
иль вовек отступила милость Его,
престало слово Его в род и род,
или миловать Бог позабыл,
затворил во гневе щедроты Свои?
(Села!)

И сказал я: «Вот боль моя:
десница Вышнего изменена!»
(Пс 77/76:7–12)²

Вера, как говорит нам Псалом, возвращается вместе с исторической памятью. Быть может, на то и дана она человеку, чтобы укреплять веру, ведь сама судьба народа – встреча с Богом путем истории, явление Бога в истории:

Вспомню о Господних делах,
о древних вспомню чудесах,
Исследую все деяния Твои,
размыслию о свершенном Тобой.
О, Боже! Во святые стезя Твоя;
кто есть бог, что велик, как Бог?
Ты – Бог, что творит чудеса,

---

¹ Там же. – С. 406.

² Там же. – С. 406.

Ты силу Твою меж языков явил,
Ты вызволил дланью народ Твой –
Иакова, Иосифа сынов.
(Села!)

Видели воды, Боже, Тебя,
видели воды, и взял их страх,
и бездны объяла дрожь;
облака изливали проливень струй,
небеса издавали гром,
и летали стрелы Твои.

Глас грома Твоего – в кругу небес,
молнии светили надо всей землей,
содрогалась, сотрясалась земля.

В пучине – пути Твои,
в водах великих – стезя Твоя,
и следов Твоих не испытать.

Как стадо, вел Ты народ Твой –
Моисея, Аарона рукой.

(Пс 77/76:12–17; 20–21)¹

Некоторые Псалмы носят философски-медитативный характер. Главное в них – размышления о Божественном мироустройстве, о месте человека в мироздании, о хрупкости и в то же время величии человека, о причинах особой избранности человека перед лицом Господа – избранности, требующей непрестанного усилия духа (например, Псалом 8-й с его знаменитым: «...что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» – Пс 8:5; *Синод. перевод*). Псалом 104/103-й рисует целостную картину мироздания и содержит переключки с египетским «Гимном Атону», дошедшим до нас от XIV в. до н. э. – времени реформы Эхнатона:

Ты облачаешься, словно в ризу, во свет,
Ты раскидываешь, словно шатер, небеса;
Ты над водами возвышаешь чертоги Твои,
делаешь облак колесницею Твоей,

---

¹ Там же. – С. 406–407.

шествуешь по ветровым крылам,
ветры вестниками Твоими творишь,
слугами Твоими – пламена огня.

...В долах дал Ты место родникам,
меж горами струи текут,
поят всех зверей полевых,
онагры утоляют жажду свою;
подле струй обитают птицы небес,
голос подают промежду ветвей.

...Растишь Ты для скотов траву
и на потребу человеку – злак,
и хлеб изводишь из недр земли,
и вино, что сердца людей веселит...

И луну сотворил Ты, мету времен,
и солнце, что знает свой закат;
Ты простираешь тьму, и бывает ночь,
и пробуждаются все звери лесов –
рыкают львята о поживе своей,
у Господа просят снеди себе;
взойдет солнце – идут они вспясть,
по логовам расходятся своим;
выходит человек на труды свои,
до вечера на служение свое.

(Пс 104/103:2–4, 10–12, 14–15, 19–23)¹

Однако на первом плане в Псалмах – не описательность и картинность, не воссоздание через сознание лирического «я» исторических событий (например, Псалмы 105/106-й и 106/105-й), но личностный характер Хвалений. Одно из величайших открытий Книги Хвалений в сравнении с гимнами богам в других культурах заключается именно в личностном общении человека с Богом. Как справедливо заметил С. С. Аверинцев, «Бог из космической силы становится здесь прежде всего поверенным человеческих страданий и надежд»². Книга Хвалений вос-

---

¹ Там же. – С. 422–423.

² Аверинцев, С. С. *Древнееврейская литература*. – С. 288.

принимается как вечный, нескончаемый диалог человеческой души с Богом, и в этом залог ее непреходящей духовной ценности.

Многие Псалмы имеют виртуозную поэтическую форму и ярко демонстрируют любовь древних к словесной игре, к осознанию Слова как начала, упорядочивающего хаос (неслучайно ведь Словом Божиим творится мир). Так, обращает на себя внимание особая форма большого Псалма 119/118-го, славящего Закон – Тору – нравственную опору мира и каждого человека. Именно в соответствии с этой главной идеей Псалом выстроен следующим образом: он состоит из двадцати двух восьмистишных строф, соответствующих двадцати двум буквам ивритского алфавита. При этом все строки каждого из восьмистиший начинаются с одной и той же буквы – в порядке алфавита (алфавитный акростих). Так, каждая строка первой строфы открывается буквой **א** (*alef*), обозначающей звук, условно именуемый «гортанным взрывом» (*glottal-stop, Knacklaut*); чтение этой буквы также зависит от огласовки, стоящей под ним; показательно, что в первых шести стихах он читается как [‘a], а первые два стиха начинаются одним и тем же словом – *ашрей* («блажен», «счастлив»), т. е. перед нами прием не только алфавитного акростиха, но и анафоры:

אֲשֶׁרִי תְמִימֵי-דָרְךָ הַחֲלָכִים בְּתוֹרַת יְהוָה:
 אֲשֶׁרִי בְצִרֵי עַדְתּוֹ בְּכֹל-לֵב יִדְרְשׁוּהוּ:
 אֵיךְ לֹא-בָעֵלֵי עוֹלָה בְּדַרְכָּיו תִּלְכּוּ:
 אֵתָה צְוִי תָה בַקְּהֵיךָ לְשֹׁמֵר קֹאֵד:
 אֶחְלִי יִבְנֵי דַרְכָּי לְשֹׁמֵר תְּקוּיָךְ:
 אֵיךְ לֹא-אֲבוֹשׁ בְּהַבִּיטִי אֶל-כָּל-סֹצֵי תוֹרָךְ:
 אִוְרָךְ בְּיַשָּׁר לֵבִי בְּכָל-מִדְּוֵי סִשְׁפֹּטֵי אֶרְכָּךְ:
 אֵת תְּקוּיָךְ אֲשֹׁמֵר אֶל-תַּעֲזוּבֹתַי עַד-קֹאֵד:¹

---

¹ **בְּתוֹכֵם** = Кетувим. – Йерушалаим (Иерусалим): Мосад Арав Кук, 5738 (1978). – С. 77.

В Псалме 119/118-м особенно ярко отразилась характерная для древнееврейской культуры и еврейской культуры вообще, особенно для каббалистической традиции, позитивно-метафизическая оценка языка как особого инструмента Бога. Г. Шолем пишет по поводу языка еврейских мистиков-каббалистов: «Язык в чистейшей форме, то есть язык иврит, по мнению каббалистов, отражает фундаментальную духовную природу мира. Иными словами, он обладает мистической ценностью. Речь доходит до Бога, потому что она исходит от Бога. В человеческой речи, которая, по крайней мере на первый взгляд, носит исключительно познавательный характер, отражается созидательный язык Бога»¹. В силу этого сам порядок священного алфавита отражает порядок мира, а незабываемый нравственный Закон наглядно воплощается в кристаллической структуре стиха.

Как известно, акrostих – достаточно древнее явление, представленное еще в аккадской литературе. Однако в аккадских текстах, в силу того, что аккадская письменность являлась не алфавитной, а силлабической (клинописный знак обозначал слог), акrostих создавался благодаря комбинациям слоговых знаков. При этом они образовывали не порядок алфавита (которого не было), но осмысленную фразу. Так, например, в поэме, условно названной «Вавилонская теодицея» (X в. до н. э.), первые знаки строк по вертикали образуют фразу, вероятно, закрепляющую авторство: «Я, Сагги-кина-уббиб, заклинатель, благословляющий бога и царя». Таким образом, можно утверждать, что алфавитный акrostих был открыт древнееврейской культурой. С помощью акrostиха организована Книга Плача, или Плач Иеремии. В самой Книге Хвалений, помимо Псалма 119-го, есть тексты, украшенные акrostихом, который каждый раз выполняет особую семантическую нагрузку: *Пс 9, 10, 25, 34, 37, 111, 112, 145*. Для культуры, в которой мир понимается как Книга, творится Словом, более того – буквами

---

¹ Шолем, Г. *Основные течения в еврейской мистике* / Г. Шолем. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. – С. 51.

священного алфавита, акrostих обретает особый креативный, теургический смысл. Кроме того, подобная организация текста весьма способствует его запоминанию, что важно для текстов литургического назначения.

По вполне понятным причинам ни в одном из переводов – не только на русский, но и на другие языки – алфавитный акrostих такой сложной формы, как в Псалме 119-м, не сохраняется: слишком важно сохранить смысл. Так, в одном из последних по времени – и очень сильном в художественном отношении – переводе Арье Ротмана переводчик ставит перед каждой строфой ту или иную букву ивритского алфавита и в примечании указывает: «Все стихи каждого восьмистишия начинаются на одну букву, от **א** (алеф) в первом восьмистишии до **ת** (тав) в последнем»¹. Приведем процитированную строфу в переводе А. Ротмана (каждому стиху оригинала соответствуют два стиха, точнее – полустихия, перевода):

Блаженны непорочные, пути их прямы,
стезею Торы Господней идут.
Блаженны почитающие заповеди Его,
Господа ищут сердцем разъятым.
Несправедливости не сотворят,
Господом поверяют путь,
ибо Ты заповедал наказы Свои блюсти,
хранить их свято.

О если бы путь мой навек
в законе Господнем пролег!
Не устыдился бы я греха,
заповедей Твоих созерцая свет,
благодарность чистосердечно излил,
усвоил праведной Торы урок.
Да исполню уставы Твои, Господь!
Не оставь нас, Тебя желаннее нет².

---

¹ *Книга Хвалений*. – С. 244.

² Там же. – С. 244.

Жанр Псалмов продолжал развиваться в рамках древнего (библейского) этапа еврейской культуры и позже. Так, целый «Свиток Хвалений» («Благодарственные Гимны») сохранился от Кумранской общины. Этот сборник, оттачиваясь от традиции канонической Книги Хвалений, сплавляет ее с интонациями пророческих книг и грозными видениями апокалиптиков. Известный экзегет, знаток и комментатор текстов Танаха, исследователь и переводчик Кумранских Гимнов Д. В. Щедровицкий пишет: «Эти Гимны воспринимаются сегодня как крик, вырвавшийся на волю после двух тысяч лет молчания... Нет никакого сомнения в том, что Гимны были известны не только Иоанну Крестителю, но и евангелистам и апостолам и оказали влияние на стиль их Писаний»¹.

Многое в идеях, образности, метафорике Кумранских Гимнов является прямым мостом между Ветхим и Новым Заветом. Так, в одном из них, условно названном «Предмессианские муки», автор уподобляет себя «женщине, рождающей впервые» (*здесь и далее перевод Д. Щедровицкого*)². В Танахе жена, мучающаяся в родовых схватках, олицетворяет народ Божий, искупающий свою вину перед грядущим спасением: «Страдай и мучься болями, дочь Сиона, как рождающая, ибо ныне ты выйдешь из города и будешь жить в поле и дойдешь до Вавилона. Там будешь спасена, там искупит тебя Господь от руки врагов твоих» (*Мих 4:10; Синод. перевод*). В конце эпохи Второго Храма, под тяжким гнетом римлян, выражение *Ховлей Машиах* («муки рождения Мессии») начинает обозначать сгустившиеся страдания народа Израиля перед приходом Мессии, муки, вслед за которыми наступит великое Избавление. В муках община избранных Божьих должна породить Мессию. Отождествляя себя с Женой, рождающей Мессию, автор говорит от имени всего Израиля:

---

¹ «Ибо знаю надежду»: *Кумранские Гимны* / пер. с древнеевр., вступ. слово и коммент. Д. В. Щедровицкого // Новый мир. – 1991. – № 1. – С. 122.

² Там же.

Ибо дети дошли до чресел смерти,
И Рождающая Мужа терпит муки.
Но из чресел смерти изведешь Ты Мужа,
И при муках родовых Шеола
Он изыдет из горнила чрева –
Явит силу Он – Советник Чудный,
Да, спасется Муж от волн крушащих!
(Гимны 6)¹

Сама фразеология Гимна напоминает читателю о мессиа́нском пророчестве Исаии: «Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог Крепкий, Отец вечности, Князь мира» (*Ис 9:6; Синод. перевод*). С другой стороны, образ Жены, в муках рождающей Мессию, предвосхищает видение Иоанна Богослова в его Апокалипсисе: «Жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. // Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения» (*Откр 12:1–2; Синод. перевод*). В свою очередь видение Иоанна опирается на символику знаменитого сна Иосифа в Книге Бытия, где солнце – Иаков, луна – Рахиль, звезды – братья Иосифа (*Быт 37:9–10*). Упоминание «чресел смерти» и родовых мук Шеола (Преисподней) возвращает к древнему архетипу сошествия в подземное царство и преодоления смерти, умирания и воскресения и одновременно предвдвряет новозаветный образ Иисуса, сходящего в ад и побеждающего смерть.

Образы Гимнов потрясают своей глобальностью, космической мощью. Предваряя знаменитое описание Армагеддонской² битвы в Апокалипсисе (Откровении) Иоанна Богослова (*Откр 16:13–16; 19:11–21*), неведомый автор

---

¹ «Ибо знаю надежду»: *Кумранские Гимны*. – С. 123.

² *Армагеддон* – искаженное ивритское *ар Мегиддо* («город Мегиддо») или *гар Мегиддо* («гора у города Мегиддо»); согласно иудейским и христианским представлениям, в долине и на горе у города Мегиддо произойдет финальное сражение добра и зла. В более поздней христианской традиции (особенно протестантской) слово «Армагеддон» стало обозначать не только местность, но и самоё битву.

рисует картину вздыбленного, потрясенного до основания мира, переживающего последнюю схватку Света и Тьмы:

Но взвоятся погибели стрелы
И, надежду отняв, расплодятся,
Суд отвесом падет,
И постигнет сокрывшихся гнев,
И последняя ярость
Сынов Велиала настигнет,
И, спасенья лишив,
Муки смертные их окружают,
    И поток Велиала
    Захлестнет вознесенные крылья,
    И раскатятся Реки Огня,
    И деревья пожрут –
    Древо свежее вместе с увядшим,
    И лучи, устремившись,
    Пронижут основы всего –
    Да, прожгут утвержденье земли,
    Основанье разостланной суши,
    Гор ступни опалят,
    Корни мрамора – бурной смолой:
    Все – до бездны великой – сгорит!..

И тогда Велиала потоки
В глубину Аваддона¹ прорвутся,
Мысли бездны смешав,
Ил в глубинах ее возмутит,
И земля возопит

---

¹ *Аваддон* (иврит. «погибель», «уничтожение») – традиционно интерпретируется как одно из названий Шеола. Однако, как можно понять из Кумранских Гимнов, имеется в виду низший, самый глубокий уровень Шеола, где, возможно, уничтожаются души самых страшных грешников (см.: Тантлевский, И. Р. *Книги Еноха* / И. Р. Тантлевский. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. – С. 96). Как персонифицированная фигура Аваддон сближается с ангелом смерти. Согласно христианским представлениям, Аваддон, чье имя переведено на греческий как *Аполлион* («губитель»), возглавит в финальной битве Добра и Зла рать чудовищной «саранчи» (*Откр* 9:11).

О великой беде во вселенной,
Станут громкими мысли ее!
Всяк живущий на ней воскричит,
Изнеможет в беде небывалой, –
Так взволнует их Бог
Потрясающей силой Своей!

И жилище Его
Потрясется от истинной Славы,
И Небесное Воинство
Голос издаст!
Изнемогут и в трепет впадут
Основанья вселенной,
Ибо вышние воинства
Вступят в бои,
И сраженья без роздыха будут,
Пока не придут к Завершенью,
И подобного этому нет!..¹

Кумранские Гимны развивают мотив «от страдания – к радости», широко представленный в библейских Псалмах. Предельная скорбь, связанная с осознанием собственной тщеты, сменяется ликованием при мысли о грядущем преобразении мира:

Горьких слез мне открылся источник –
Стенанье и плач, –
От меня не сокрылась
Тщета моего сотворенья,
Но росла в размышленьях моих:
Снова в прах человек возвратится!..
А удел человека –
Прегрешенье, и скорбь, и вина:
Это все мне на сердце возшло,
Это кости мои поразило,
Как болезнь и недуг, –
Чтобы скорбная мысль со стенаньем

---

¹ «Ибо знаю надежду»: Кумранские Гимны. – С. 124–125.

Звучала на арфе,
Чтобы скорбную песнь отыскать
Для печали и плача любого.

Чтобы горькое длилось рыданье,
Пока не исчезнет нечестье,
И злодейства не станет,
И не станет недуга и боли.
И тогда заиграю на арфе спасенья.
И на лире веселья,
И на ликованья тимпане,
И на флейте хвалы –
И вовек не замолкну!..¹

«И прямым, бесконечным путем / Я пойду, ибо знаю надежду», – эта строка неведомого кумранского поэта словно итожит то, чем жил, мучился, страдал и надеялся народ Израиля в своем трудном пути, полном блужданий, заблуждений и величайших прозрений. Этот путь стал Священной историей, навсегда запечатленной в текстах Танаха. Звучащее в них Слово вселяло надежду и в тех, кто спешил к берегу Иордана, чтобы послушать Йоханана бар Зхарью – Иоанна, сына Захарии, прозванного народом *Йоханан га-Матбиль* (букв. «совершающий *тевилу* [*твилу*]»), т. е. очищение через погружение в воду), – Иоанна Крестителя², или Иоанна Предтечу, провозгласившего великую миссию Иисуса, и в тех, кто вскоре побредет по дорогам двухтысячелетнего изгнания, храня верность древнему Закону и повторяя строки Псалма: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в Законе Господнем, // Блаженны хранящие Откровения Его, всем сердцем ищущие Его» (*Пс 119/118:1–2; Синод. перевод*).

Чтение (точнее – пение) Хвалений стало органичной частью иудейской литургии, Хвалениями перемежаются обязательные молитвы, в последних очень часто звучат

---

¹ Там же. – С. 125.

² *Креститель* – славянская передача греч. *Baptistes* (от глагола *baptismos* – «окупать в воду», «погружать»), являющегося, в свою очередь, калькой ивритского *га-Матбиль*.

прямые цитаты из Псалмов. В Талмуде чтение Хвалений в ходе богослужения считается проявлением глубокого личного благочестия молящегося. При этом в еврейской традиции регулярное чтение Хвалений не ограничивается только богослужением. Многие люди читают и перечитывают всю Книгу Хвалений, и с этой целью создавались общества читающих Хваления – *Хеврот Теѓиллим*. В Иерусалиме существует особое общество, члены которого ежедневно читают Книгу Хвалений у Западной стены храмовой ограды, уцелевшей после разрушения Храма, – у Стены Плача. Все Хваления так или иначе включены в молитвенники на будничные дни и Субботу – сидуры (*сиддуры*) и молитвенники на праздники – *махзоры*.

Книга Хвалений дала толчок развитию еврейской литургической поэзии и определила образный и стилистический строй позднеантичных и средневековых пиютов – произведений пайтанов, которые писали литургические песнопения для обновления канонической литургии. На строй Хвалений опирались первый известный автор пиютов – Йосе бен Йосе (IV–V вв.), его последователи Яннай, Эльазар Калир (VI–VII вв.), а также многочисленные представители семейства Калонимос (Калонимус), которые начиная с IX в. давали талантливых литургических поэтов еврейской культуре, развивавшейся в Западной и Центральной Европе. Особенно высокого уровня авторская литургическая поэзия достигает в средневековой Испании, точнее – мусульманской Андалусии. Выдающиеся поэты X–XIII вв., Золотого века еврейской культуры, писавшие на библейском иврите, – Дунаш бен Лабрат, Шемуэль (Самуил) га-Нагид, Шеломо (Соломон) Ибн Гвириоль (Габироль), Моше (Моисей) Ибн Эзра, Йеѓуда га-Леви, Авраам Ибн Эзра – создали литургические и другие религиозно-философские произведения, обязанные прежде всего Книге Хвалений и поднимающиеся до ее уровня (многие из них вошли в сефардские и ашкеназские молитвенники). Эта традиция была продолжена в Провансе и в Италии XIII–XIV вв. в творчестве Авраама Бедерси, Йедаи Бедерси, Иммануэля Римского.

Книга Хвалений всегда подпитывала ивритоязычную поэтическую традицию. Особенно важной ее образность и стилистика стали на рубеже XIX–XX вв., своеобразно преломившись в творчестве великих еврейских поэтов, писавших на библейском иврите, положивших начало литературе современного Израиля, – Хаима Нахмана Бялика (1873–1934), Шауля (Саула) Черниховского (1875–1943), Якова Фихмана (1881–1958), Якова Штейнберга (1887–1947), Авраама Бен-Ицхака (1883–1950), в лирике выдающихся поэтов, которые выступили в литературе в 20–30-е гг. XX в., – Рахели (1890–1931), Ури Цви Гринберга (1896–1981), Авраама Шлионского (1900–1973), Натана Альтермана (1910–1970), Леи Гольдберг (1911–1970). Топика и стилистика Псалмов важны и для творчества следующего поколения израильских поэтов – Хаима Гури (род. 1923), Йефуды Амихая (род. 1924), Натана Заха (род. 1930), Дана Пагиса (1930–1986) и др.

В 1545 г. в Венеции был издан перевод Книги Хвалений на идиш Э. Левиты. В 1783 г. немецкий перевод, напечатанный еврейскими буквами, издал основоположник еврейского Просвещения (Гаскалы) Мозес Мендельсон (1729–1786).

Во многих культурах Книга Хвалений явилась основой формирования литературного языка и национальной поэтической традиции. Первыми переводами Книги Псалмов на другие языки, кроме греческого и латинского, стали англо-саксонский, старославянский (оба – IX в.) и церковнославянский (X в.) переводы. Большое количество переводов выполнено европейскими учеными и поэтами в XIII–XVI вв. Так, в Англии ок. 1350 г. появились три перевода Псалтири на английский язык, выполненные с Вульгаты: анонимный стихотворный перевод, перевод приписываемый Уильяму из Шорхама, и перевод с комментариями отшельника и мистика Ричарда Ролла из Гемпола. В конце XIV в. новая версия Псалтири появилась в составе первого полного перевода Библии на английский язык (с Вульгаты). Это была Библия Уиклифа – перевод, сделанный по инициативе и под руководством Джона Уиклифа (ок. 1330–

1384). Уиклиф настаивал на том, что Евангелие есть правило жизни, и что все люди вправе читать его «на том наречии, на коем они лучше всего ведают Христово учение», и что для этого необходима Библия на английском языке. После смерти Уиклифа его Библия была запрещена, но все равно тайно переписывалась. На Библию Уиклифа опирался первый английский протестантский переводчик Библии – Уильям Тиндал (ок. 1490–1536). Тиндал изучил греческий язык в Оксфорде и Кембридже, а древнееврейский, по-видимому, в Германии. Его перевод Нового Завета, в котором он ориентировался на немецкий перевод М. Лютера, был опубликован в Вормсе в 1525 г. В следующем году он попал в Англию, где был немедленно сожжен. Несмотря на церковное проклятие, перепечатки следовали одна за другой, многие попадали в Англию из Нидерландов. Первый том Ветхого Завета в переводе Тиндала вышел в 1530 г.. Тиндал был арестован, но в тюрьме продолжил работу над переводом Ветхого Завета. В 1536 г. Тиндал как еретик был сожжен на костре в Вилворде близ Брюсселя. Тем временем Майлс Ковердейл, бывший сотрудник Тиндала, завершил его труд и выпустил в Германии Библию на английском языке (1535), которая вскоре попала в Англию и продавалась там без всяких возражений со стороны властей. Ковердейл не был столь образован как Тиндал, не знал древнееврейского языка, поэтому завершал труд Тиндала, переводя с латыни (при этом заглядывал в труды Лютера, в Цюрихскую Библию и советовался с учеными-современниками). Тем не менее язык перевода Ковердейла оказался более органичным для английского языка, более певучим, чем у Тиндала. Особенно это касалось Книги Псалмов: Псалтирь в составе Большой Библии (1539), вышедшей под редакцией Ковердейла, до сих пор используется в англиканском служебнике («Книга общественного богослужения»); благодаря художественным достоинствам перевод Ковердейла часто предпочитают переводу Псалмов из знаменитой Корлевской Библии – Библии короля Иакова. В 1557 г. под руководством шотландского кальвиниста Джона Нокса (как предполагают, также при участии

Ковердейла) английская община в Женеве выпустила Новый Завет и Псалтирь, а в 1560 – полное издание Библии, т. н. Женевскую Библию, известную также под шутливым названием «Библия штанов», или «Библия бриджей», потому что знаменитый стих *Быт 3:7* был переведен в ней следующим образом: «...и сшили смоковые листья, и сделали себе штаны». Несмотря на подобные ляпсусы Женевская Библия, в основе которой был улучшенный текст Большой Библии, являлась одним из самых научных переводов своего времени. Она выдержала 140 изданий и продолжала долго издаваться даже после появления Библии короля Иакова. Именно Женевскую Библию знал и цитировал Шекспир. В 1568 г. появилась Епископская Библия, иницированная Мэтью Паркером, епископом Кентерберрийским. В качестве основы была использована Большая Библия и отдельные фрагменты Женевской Библии. Епископская Библия заменила Большую Библию в качестве главного текста Англиканской Церкви.

Таким образом, XVI в. стал в Европе переломным временем не только в плане религиозно-духовном и социальном, но и в плане освоения Библии на национальных языках, и чаще всего это освоение начиналось с Книги Псалмов. В Германии XVI в. также были предприняты многочисленные попытки перевода Библии на немецкий язык. Так, например, многие библейские книги перевел с оригинала выдающийся мыслитель-гуманист, писатель и ученый Иоганн Рейхлин (1455–1522), филолог-классик, а также первый немецкий гебраист, который, не будучи евреем по происхождению, глубоко изучил библейский и талмудический иврит, еврейское богословие и защищал евреев и их священные книги от гонений. Он подготовил почву для перевода М. Лютера, который называл Рейхлина своим отцом. Неслучайно одним из главных помощников Лютера по созданию немецкой Библии был ученик Рейхлина и его внучатый племянник Филипп Меланхтон (1497–1560).

Среди переводов Псалтири, выполненных в XVI в., самым поэтически сильным был перевод основоположника Реформации Мартина Лютера (1483–1546), создателя пер-

вого полного перевода Библии с оригинала (с Масоретской Библии) на живой европейский язык. Знаменитая Библия Лютера (*Lutherbibel*) была опубликована в 1534 г. (вторая редакция – *Bibel Deutsch* – в 1545 г.) и стала самой читаемой и издаваемой немецкой книгой, заложившей фундамент немецкого литературного языка и оказавшей сильное влияние на переводы Библии на другие национальные языки с оригинала. В Библии Лютера впервые были представлены образцы прозы и религиозно-философской поэзии на немецком языке. Показательно, что именно с Псалтири Лютер начал свою работу над переводом с оригинала всего Ветхого Завета. Это была та книга, которая больше всего притягивала к себе сердце «виттенбергского соловья», как назвал Лютера Ганс Сакс. Еще в 1517 г. Лютер издал на немецком языке ряд Псалмов, обнаружив в этих переводах незаурядное языковое мастерство. Затем в 1524 г. он выпустил отдельное издание Псалтири. В предисловии к нему переводчик писал о тех чувствах, которые переживает человек, читающий Псалмы: «...ты глядишь в самое сердце святым, словно в прекрасные веселые сады или даже в небеса, где расцветают нежные, милые, веселые цветы всяческих прекрасных, радостных мыслей о Боге и Его благодарениях. ...А где найдешь ты более проникновенные, жалостные, горестные слова о печали, чем в покаянных Псалмах?»¹ Переводы Псалмов, выполненные М. Лютером, отличаются высокими поэтическими качествами – при стремлении максимально приблизиться к смыслу оригинала и сохранить очень важные семантические и синтаксические параллелизмы.

В некоторых странах переводы Псалтири были в числе первых печатных книг: Псалтирь (1509) в переводе первого крупного французского евангелиста Жака Лефевра д'Этапля (1450–1536); это издание сопровождалось текстологическим анализом, основанным на сопоставлении древ-

---

¹ Пуришев, Б. И. *Реформация и Мартин Лютер* / Б. И. Пуришев // *История немецкой литературы: в 5 т.* – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 1. – С. 283–284.

нееврейского, греческого и латинского текстов Псалмов (в 1530 г. в Анвере вышла полная Библия в переводе Ж. Лефевра д'Этапля); Псалтирь белорусского первопечатника Франциска Скорины, изданная в Праге в 1517–1519 гг., а затем включенная им в «Малую подорожную книжку» (1522); «Псалтирь» (1548) ученика Лютера, главы Реформации в Финляндии, епископа, основоположника финского литературного языка Микаэля Агриколы (1510–1557); «Псалтирь Давидова» (1578) Яна Кохановского в Польше; «Псалтирь» диакона Кореси, или Корези (1578–1580), в Румынии и т. д. В 1611 г. Книга Псалмов появилась в составе английской Библии короля Иакова, или Джеймса (*King James Version*), созданной под патронажем Иакова I коллективом из сорока семи богословов и ученых, возглавляемых Джоном Рейнольдсом. С этого времени и практически до XX в. стиль и ритмы Библии короля Иакова, особенно стилистика и ритмика Псалмов, будут определять строй англоязычной религиозно-философской лирики и светской философской поэзии – вплоть до «Листьев травы» (1855) Уолта Уитмена (1819–1892), великого американского поэта эпохи позднего романтизма

Книга Хвалений оказала огромное влияние на мировую религиозную и светскую поэтическую традицию. Становление христианской религиозной лирики (гимнографии) шло под знаком и мощным воздействием Псалтири: 150 псалмов гностика и христианского писателя Бардайшана (Бардесана; 154–222), созданных на рубеже II–III вв. на восточноарамейском языке; псалмы Афрема из Нисивина (Ефрема Сирина; ок. 306–373) на восточноарамейском языке; религиозно-философская поэзия Григория Назианзина (Григория Богослова; 329–389), соединившего классическую традицию греческой поэзии с библейской чувствительностью и сердечностью, с христианской «слезностью»; литургические стихотворения на греческом языке выдающегося византийского поэта VI в., еврея по происхождению, Романа Сладкопевца (ум. 556), создавшего жанр кондака (Роман чаще всего в качестве зачина берет тот или иной стих Псалма и дописывает свою вариацию);

«Великий канон» Андрея Критского (ок. 660–740), который до сих пор звучит в православном богослужении; поэзия Иоанна Дамаскина (ок. 680–749) и др.

В свою очередь еще в эпоху Поздней Античности и Средневековья Псалмы становятся объектом подражаний и переложений для латиноязычных поэтов Европы – Понтия Мерония Павлина, или Павлина Ноланского (353–431), Аврелия Пруденция Климента (348 – после 405), у поэтов Каролингского Возрождения. В эпоху Средневековья бурно развивается латинская гимнография – метры, ритмы и секвенции. Первые писались античными логоэдами (сапфической, асклепиаловой строфами) и восходили к Пруденцию. В эпоху Зрелого Средневековья они уже выходят из моды. Последним мастером античных метров был друг папы Григория VII, архиепископ, врач и поэт Альфан Салернский (ум. 1085). Ритмами назывались гимны, состоящие из коротких силлабо-тонических ямбических или хорейческих стихов, традиция которых восходит к Амвросию Медиоланскому и Августину Блаженному. Секвенция представляла собой прозу, положенную на музыку. Такая форма родилась во Франции в IX в., а уже в начале X в. она получила великолепную разработку в творчестве Ноткера Санкт-Галленского. Секвенции пишут Петр Дамиани (1007–1072) и Ансельм Кентерберийский (1033–1109), автор в числе прочего «Книги размышлений и молитвословий». В XII в. секвенция преобразуется в сторону большей упорядоченности формы и начинает писаться короткими строфами с четким ритмом и звонкими рифмами. Большими мастерами новой секвенции были Адам Сен-Викторский (ум. 1192), Франциск Ассизский (1182–1226) и поэты-францисканцы XIII в., а также Фома Аквинский (ок. 1225–1274). Во всех этих формах присутствовало влияние библейских Псалмов, особенно же – в секвенции, ритмически приближавшейся к тоническому стиху Книги Хвалений. Помимо литургической поэзии в эпоху Средневековья возникали и светские переложения библейских книг на средневековую латынь. Как отмечает М. Л. Гаспаров, «стихотворные упражнения на библейские темы писали очень

многие поэты; венцом таких занятий был огромный сборник библейских переложений Петра Риги (вторая половина XII в.) «Аврора, или Писание в стихах»¹. Само собой разумеется, что среди этих переложений были и вариации на темы Псалмов.

На новом этапе, в эпоху Ренессанса, формы античной поэзии соединяются с духом поэзии библейской, в том числе с образностью и настроениями Псалмов, в творчестве крупнейшего неолатинского поэта Европы – выдающегося мыслителя-гуманиста Эразма Роттердамского (1469–1536). Так, устами Иеронима Блаженного, создателя Вульгаты, Эразм говорит:

Речью возвышенных муз сильны Соломоновы Притчи,
Песни невесты, Мудрец и Иов играют стихами;
Пел и Давид свои песни, их в метры стиха облекая.
(Перевод Ю. Шульца)²

При этом под «Песнями невесты» понимается Песнь Песней, Мудрецом именуется Экклесиаст, а «песни Давида» – безусловно, Псалмы. Вслед за Давидом и Эразм облекает «в метры стиха», но классического латинского стиха, мотивы Псалмов.

Стилистика и топика Псалмов оказываются релевантными для самого выдающегося поэта средневековой Армении – Григора Нарекаци (Нарекского; 951–1003), автора монументальной лирической поэмы «Книга скорбных песнопений» (1002; впервые опубликована в Марселе в 1673 г.). Эта поэма, по словам армянского исследователя академика В. С. Налбандяна, «вобрала в себя все лучшее, что было создано армянской поэзией предшествующих эпох, и вместе с песнями положила начало новому этапу армян-

---

¹ Гаспаров, М. Л. *Латинская литература* / М. Л. Гаспаров // *История всемирной литературы: в 9 т.* – М.: Наука, 1984. – Т. 2. – С. 509.

² Эразм Роттердамский. *Стихотворения* / Эразм Роттердамский // *Стихотворения* / Эразм Роттердамский; *Поцелуи* / Иоанн Секунд; изд. подгот. М. Л. Гаспаров (отв. ред.), С. В. Шервинский, Ю. Ф. Шульц. – М.: Наука, 1983. – С. 45.

ской литературы. ...На протяжении сотен лет “Книга скорбных песнопений” Нарекаци пользовалась в народе большой популярностью и почиталась даже наравне со Священным Писанием: полагали, что она обладает чудотворной силой. В то же время она была и недостижимым образцом поэтического искусства для армянских поэтов многих поколений»¹. Все дело в необычайной философской глубине, искренности и художественном совершенстве «Книги скорбных песнопений». Поэт ведет бесконечный диалог с Богом, раскрывая перед Ним глубины собственной души. Не случайно каждая глава поэмы определяется автором как «Слово к Богу, идущее из глубин сердца». Показательно уже начало главы 1-й:

Я обращаю сбивчивую речь
К Тебе, Господь, не в суетности праздной,
А чтоб в огне отчаяния сжечь
Овладевающие мной соблазны.
Пусть дым кадила души моей,
Сколь я ни грешен, духом сколь ни беден,
Тебе угодней будет и милей,
Чем воскуренья праздничных обеден.
Мой стон истошный, ставший песнопеньем,
Прими не с гневом, а с благоволеньем.
Из дальних келий, тайных уголков
Достал я слово, как со дна колодца,
Пусть дым сожжения моих грехов
К Тебе, Всемилосердный, вознесется!

*(Перевод Н. Гребнева)*²

Поэтика Псалмов (как и библейская в целом) была важна для великих поэтов итальянского Ренессанса – Данте Алигьери (1265 –1321) и Франческо Петрарки (1304–1374). Для стиля и образности Данте и в «Новой жизни» (1292–1293), и в

---

¹ Налбандян, В. С. *Армянская литература* / В. С. Налбандян // *История всемирной литературы: в 9 т.* – М.: Наука, 1984. – Т. 2. – С. 301.

² *Поэзия народов СССР IV–XVIII веков* / вступ. ст. и сост. Л. Арутюнова и В. Танеева. – М.: Худож. лит., 1972. – С. 63–64.

«Божественной Комедии» (1307–1321), а значит и для формирующегося стиля ренессанс, помимо прочих составляющих, важны были стилистика и топоника пророческих и апокалиптических книг, Псалмов и Песни Песней. Петрарка напрямую обращается к Псалмам и создает их переложения на латинском и итальянском языках. Таким образом, поэзия Библии (и прежде всего поэзия Псалмов) во многом стимулировала становление поэзии на народных языках в Западной Европе, и раньше всего – на народном итальянском языке (так называемом *вольгаро*).

Однако именно начиная с эпохи Реформации Псалмы становятся объектом многочисленных подражаний и переложений на живых европейских языках, и это оформляется как особая линия поэтического творчества в европейской поэзии. Переложение не является переводом – ни в строгом, ни в нестрогом смысле этого слова. Отталкиваясь от мыслей, образов, стилистики того или иного библейского Псалма, поэт дает свободу своему воображению, создает вольную вариацию на тему Псалма, придавая своему произведению неповторимое своеобразие, специфическую форму, свойственную данной национальной поэтической традиции и своей собственной манере. Начало традиции переложения Псалмов было положено М. Лютером, который был незаурядным поэтом. Неслучайно донныне лютеране поют его гимны и хоралы, ставшие народными песнями и положенные на музыку многими великими композиторами. До сих пор лютеровское переложение Псалма 46/45-го «Ein feste burg ist vnser Gott...» («Прочная крепость – наш Бог...») является самым знаменитым лютеранским хоралом.

Традицию лютеровских переложений Псалмов в XVII в. продолжил в своих духовных песнях крупнейший протестантский поэт Германии Пауль Герхардт (1607–1678), на тексты которого созданы многие хоралы Иоганна Себастьяна Баха. Псалмы перелагали великие немецкие поэты XVII в. Мартин Опиц (1597–1639), Пауль Флеминг (1609–1640), Андреас Грифиус (1616–1664), Кристиан Гофман фон Гофмансвальдау (1617–1679), Квиринос Кульман (1651–1689), Иоганн Кристиан Гюнтер (1695–1714). В свою

очередь, стилистика и образность Псалмов оказала существенное влияние на их оригинальное творчество, а также на поэзию великих немецких поэтов-мистиков Фридриха Шпее (1591–1635) и Ангелуса Силезиуса (1624–1677). В Англии переложения Псалмов создавал в XVII в. Джон Милтон (1608–1671), подражания им – Джон Донн (1572–1631). Вся поэзия метафизической школы – и прежде всего Джорджа Герберта с его «Храмом духовных стихотворений» (1633), Ричарда Крэшо (1612–1649), Генри Воэна (1622–1695) – в наибольшей степени определена стилистикой и образностью Псалмов. Американская поэзия – поэзия Новой Англии – начинает свой путь с творчества Анны Брэдстрит (1612–1672) и Эдвара Тейлора (1645–1729), отмеченных влиянием метафизической школы и пронизанной библейскими мотивами, в том числе и мотивами Книги Псалмов.

В XVIII в. в Германии мотивы Псалмов звучат в творчестве гамбургского поэта Бартольда Хинриха Броккеса (1680–1747), автора барочной оратории «Страсти Христовы» (1712), музыку к которой написал Георг Фридрих Гендель, и девятитомного лирического произведения «Земное наслаждение в Боге» (1721–1747), созданного в русле просветительского барокко. К отдельным стихотворениям и кантатам этого сборника писали музыку Иоганн Себастьян Бах и Георг Филипп Телеман (1681–1767). В русле переложения Псалмов работал создатель просветительской немецкой духовной оды Кристоф Фюрхтеготт Геллерт (1715–1769), автор популярнейшего сборника «Духовные оды и стихотворения» (1757), в котором очевидно движение к безыскусственности и чувствительности. К топике и стилистике Псалмов, а также к их ритмическому своеобразию обратился выдающийся немецкий поэт-сентименталист, создатель новаторского немецкого философского и духовного гимна в свободных ритмах (гимна, написанного верлибром) Фридрих Готлиб Клопшток (1724–1803), чьи поиски оказались чрезвычайно важными для штюмерского поколения, для Фридриха Гёльдерлина, для немецких поэтов XX в. Псалмы переводил и перелагал идейный вдох-

новитель движения «Бури и натиска», выдающийся немецкий мыслитель Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), давший первые образцы их эквиритмических переводов в немецкоязычной поэтической традиции (эти переводы, как и опыты Клопштока, существенно повлияли на становление немецкого верлибра). Гердер, исследовавший Библию в оригинале, писал: «Стоит десять лет изучать еврейский язык, чтобы прочесть в подлиннике Псалом 104-й». Стилистика Псалмов своеобразно преломилась в позднем творчестве Фридриха Гёльдерлина (1770–1843), в его философских гимнах, созданных на рубеже XVIII–XX вв., где ведут диалог античная, библейская и немецкая культуры. В свою очередь поэтика Гёльдерлина оказала необычайно сильное влияние на немецкоязычную поэзию XX в.

Во Франции, где в XVI в. интенсивно осваивают Библию на родном языке, где буквально вслед за переводом Библии, выполненным Лефевром д'Этаплем появляется в 1535 г. перевод влиятельного кальвиниста Пьера-Робера Оливетана (1506–1538), традицию переложения Псалмов основывает выдающийся поэт Клеман Маро (1496–1544), творчество которого обозначило зрелость французского Возрождения. Маро создал пятьдесят собственных псалмов (изд. 1538), которые отличаются необычайным ритмическим разнообразием и музыкальностью. Они имели огромную популярность среди гугенотов (французских протестантов), что навлекло преследования на Маро и вынудило его бежать в Женеву, а затем в Италию. Под влиянием Маро к переложениям Псалмов обращаются многие гугенотские поэты: Гаррос (1570), Жан де Спонд (1588), Саломон Сертон (1585), Жак Констанс (1547–1621) и выдающийся французский поэт «смутного» времени (эпохи религиозных войн во Франции) Теодор Агриппа д'Обинье (1552–1630), создавший «Размышления по поводу Псалмов» – цикл, наполненный философскими размышлениями поэта о трагической судьбе Франции и всей современной ему европейской цивилизации. Ритмы и стилистика Псалмов ощутимы и в самом главном произведении д'Обинье – «Трагические поэмы» (1616). Этой трагической летописи эпохи религи-

озных войн поэт отдал 39 лет. Характеризуя стиль монументальной поэмы, И. Ю. Подгаецкая отмечает, что ее трагизм во многом обязан трагизму библейских книг¹, и подчеркивает: «Стиль Библии – синтаксические параллелизмы, настойчивое повторение в различных вариациях одной и той же мысли, пророческий тон – постоянно присутствует в “Трагических поэмах”, а ее стихи порой прямо воспроизводят ритмы Псалмов и тексты ветхозаветных пророков»².

Парафразы Псалмов на французском языке пишет в Швейцарии сподвижник Жана Кальвина – Теодор де Бёз (1519–1605): «Христианские размышления по поводу восьми Псалмов Давида» (изд. 1581). Псалмы К. Маро и Т. де Бёза в 1607 г. переводит на венгерский язык (точнее – творчески перерабатывает) крупный венгерский ученый-гуманист Альберт Молнар-Сенци (1574–1634); под их же влиянием нидерландский поэт Дирк Рафаэлс (Рафаэлисон) Кампхёйзен (1586–1627) создает «Распевы Псалмов пророка Давида на поэтические лады французов Клемана Маро и Теодора де Бёза» (1630; до конца XVII в. сборник выдержал семнадцать переизданий).

Однако в Нидерландах, культура которых чрезвычайно важна для перехода Европы к Новому времени, возможности родного языка впервые продемонстрировал в поэзии антверпенский патриций Ян ван дер Нот (ок. 1539 – между 1595 и 1601), который вначале был кальвинистом, затем принял католичество. Создавая ренессансную поэзию на нидерландском языке, Нот вдохновлялся не только поэзией Плеяды (прежде всего Пьера Ронсара), но и Библией. Библейская образность и стилистика определяют строй эпической поэмы Нота «Книга экстаза» (ок. 1576), где описано мистическое неоплатоническое путешествие души спящего

---

¹ См.: Подгаецкая, И. Ю. *Агриппа д’Обинье и гугенотская поэзия XVI в.* / И. Ю. Подгаецкая // *История всемирной литературы: в 9 т.* – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 283.

² Там же.

поэта к престолу Всевышнего, сонетов на библейскую тему, но главное – обработок Псалмов.

Интонации Псалмов присутствуют в благочестивых песнях фламандского поэта и живописца, основателя гарлемской Академии живописи Карела ван Мандера (1548–1606), объединенных в сборник «Золотая арфа, или Игра на струнах сердца» (изд. 1599). Мандер известен также как автор несохранившихся зиннеспелов (т. е. драматических произведений, предназначенных для пения) «Давид», «Соломон», «Ной». Традиция освоения Псалмов и творческого соревнования с ними будет продолжена и достигнет апогея в Нидерландах в XVII в. Переложения Псалмов на нидерландском языке пишут великий религиозный мыслитель и ученый, один из создателей европейской библеистики, юрист, основоположник международного права и поэт Гуго Гроций (Хёйг де Гроот, 1583–1645) и уже упомянутый Д. Р. Кампхёйзен. Свободные вариации на темы Псалмов, отличающиеся барочной амплификацией и динамизацией первоисточника, создает выдающийся нидерландский поэт и драматург Йост ван ден Вондел (1587–1679): «Арфические песни царя Давида» (1657).

В Дании традицию переложения Псалмов основал Томас Кинго (1634–1703), автор сборника «Духовный хор» (ч. 1 – 1674; ч. 2 – 1681), ставшего вершиной датского барокко. Последователями Т. Кинго в барочной духовно-религиозной поэзии и в обращении к Псалтири стали Элиас Наур (1650–1728) и датско-норвежская поэтесса Доротея Энгельбретсдаттер (1634–1716). В Швеции религиозную поэзию, ориентирующуюся на Книгу Псалмов, развивают Хагвин Шпегель (1645–1714) и Иеспер Сведберг (1653–1735).

В финской литературе подражания Псалмам писал еще Микаэль Агрикола, а вслед за ним – ректор Туркуской школы (Турку – тогдашняя столица Финляндии) Яакко Суомалайнен (ум. 1588), автор «Книги виршей» (1583). В 1605 г. выдающийся представитель финноязычной литературы Раннего Нового времени, пробст прихода Маску Хэммингиус Хенриikki, или Хэмминки, сын Хенриikki (ум.

1619), составил псаломник, куда помимо переведенных им духовных песен включил свои произведения на финском языке. Незадолго до смерти он опубликовал сборник переводов средневековых латинских духовных гимнов «*Piae Cantiones*» («Песни благочестия», 1616). В стихотворном предисловии к сборнику Хэмминки сетует на то, что «скудность финских слов» мешает ему в его переводческой работе. Однако именно эта работа, как и оригинальное творчество по мотивам Псалмов и Библии в целом, привели к созданию коллективного перевода Библии на финский язык (1642), окончательно упрочившего литературные позиции этого языка.

Первая книга, изданная на литовском языке в Кёнигсберге лютеранином Мартинасам Мажвидасом (ум. 1563), скрывавшимся в Пруссии от религиозных преследований, – «Простые слова катехизиса» (1547) – включала 11 духовных песен, переведенных с польского и немецкого языков. Другая крупная работа Мажвидаса – «Песни христианские» (ч. I–II, 1566–1570) – содержит 130 духовных песен и псалмов, переведенных с польского, латинского и немецкого языков. Безусловно, в этих песнях и псалмах варьируются мотивы библейской Книги Псалмов. Вторую часть сборника дополнил своими переводами родственник Мажвидаса и издатель «Песен христианских» Балтроеус Вилентас (ок. 1525–1587). В 1589 г. протестантский пастор Йонас Бреткунас (1536–1602) опубликовал духовный песенник, в который частично вошли переработанные песни из сборника Мажвидаса и песни, написанные и переведенные самим Бреткунасом. Но главным делом его жизни стал первый полный перевод Библии на литовский язык, выполненный между 1574 и 1590 гг. с латинского и немецкого переводов. Как отмечает литовский исследователь К. П. Корсакас, «перевод Бреткунаса отличается чистотой языка и стилистической выразительностью, для некоторых труд-

нопереводимых слов Бреткунас подыскивал десятки синонимов и вариантов»¹.

Для развития славянских культур и освоения Псалтири на славянских языках неоценимым был духовный и творческий подвиг создателей славянской письменности Кирилла (Константина; ок. 826–869) и Мефодия (820–885), переводчиков Библии на созданный ими на основе родного солунского наречия (г. Солуни – Фессалоник), моравского (в Великоморавское княжество входили земли чехов и словаков) и древнеболгарского языков книжный славянский язык (старославянский, наследником которого явился церковнославянский). Как известно, Кирилл был человеком широчайшей образованности: изучил не только греческий и латинский языки, но также древнееврейский и арабский. В Херсонесе Кирилл обнаружил Евангелие и Псалтирь, написанные «рушкым писменем». В науке до сих пор дебатруется вопрос о природе этой письменности, но Кирилл при помощи некоего человека, знавшего этот язык, научился читать эти тексты. Нет сомнения, что он мог читать Псалмы, как и другие ветхозаветные книги, в оригинале. Заботясь о богослужении на славянском языке, Кирилл и Мефодий полностью перевели не только Евангелия, но и Псалтирь. Древнеславянская кирилло-мефодиевская традиция сохранилась в созданной в Болгарии «Синайской Псалтири» (XI в.), написанной глаголицей (которую, как предполагают, и создал Кирилл). Первое печатное издание Славянской Псалтири появилось в Черногории в 1495 г.

При этом в древнерусской культуре осталась практически не замеченной раннехристианская и византийская религиозная поэзия на восточноарамейском и греческом языках (Ефрем Сирийский, Григорий Назианзин, Иоанн Дамаскин были известны прежде всего как прозаики, традиции Романа Сладкопевца не привились на Руси). Авторская религиозная поэзия, ориентированная на образный строй

---

¹ Корсакас, К. П. *Литовская литература* / К. П. Корсакас // *История мировой литературы: в 9 т.* – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 506.

Псалмов, возникла у восточных славян с опозданием и развивалась в эпоху Средневековья слабо. Исключением являются два канона и около тридцати молитв выдающегося проповедника и писателя, белоруса по происхождению Кирилла Туровского (ок. 1113 – конец XII в.), прозванного «вторым Златоустом». Его молитвословия были чрезвычайно популярны в Беларуси в конце XVI – начале XVII в. (с 1596 по 1635 г. зафиксировано семь изданий его молитвенного цикла на всю седмицу). В них звучат реминисценции и прямые цитаты из библейских Псалмов. Например: «И того ради стеню из глубины сердечныя и слезю болезненною ми душею; судный час помышляю и весь изнемогаю. Како убо обрящуся тамо? Кое ли слово изреку за грехы моя? Како ли ответ будет ми от Судии? Где ли скрюю беззаконии моих множество, яко несть помогающаго ни избавляющаго. И что сътворю, Господи мои, Господи! Не веде, кому ся приближу, да спасена ми будет душа. <...> Но не остави мене до конца прогигнути, Иисусе, благое имя. От земли создавый мя и живот даровав ми, призри на смирение мое, ащо бо и бес числа съгреших, но не въздех руки моєа къ Богу чужему, ни отчаяхся отинюдь, помышляя образ Твоего человеколюбиа... <...> ...да исповедают уста моя множество милости Твоя, яко бысть помощник мои въ всякой скорби и утешитель въ день печали моєа»¹ (ср. *Пс* 32/31:5; 38/37:9–11; 44/43:21; 46/45:2; 119/118:50).

Иной была ситуация в чешской культуре, находившейся на перекрестке восточного и западного влияния. Стилистика Псалмов положена в основу древнейшей чешской духовной песни «Господи, помилуй нас...» (X в.), соединившей элементы чешского и старославянского языков. И далее жанр духовной песни, в которой сливаются народный мелос и традиция библейской поэзии, получит большое развитие в чешской культуре. Среди древнейших па-

---

¹ *Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя* / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт. А. І. Богдан і інш.; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск: Бел. навука, 2003. – С. 63–64.

мятников письменности на польском языке – не сохранившаяся «Псалтирь Кинги» (XIII в.), «Флорианская Псалтирь» (она же «Псалтирь Ядвиги»), «Пулавская Псалтирь» (обе датируются концом XIV – началом XV в.). Они предшествовали появлению в середине XV в. первого польского перевода Библии – так называемой Библии королевы Зофы, или Широшпатацкой Библии. Однако этот перевод был сделан с чешского перевода.

Именно чехи в эпоху Позднего Средневековья раньше других славян начали осваивать на живом родном языке как Библию в целом, так и Псалмы. С гуситским движением и гуситской литературой связано формирование как чешского национального самосознания, так и национального языка, что неотделимо одно от другого. Выдающуюся роль в этом сыграл знаменитый Ян Гус (1371–1415). Одним из важнейших жанров, в которых он работал и как проповедник, и как писатель, была духовная песня. В духовной песне, которую Гус сделал частью богослужения, соединились образы и ритмы библейских Псалмов с народным чешским мелосом. Благодаря Гусу духовная песня становится одним из ведущих жанров гуситской литературы. Наиболее обширным собранием гуситских песен является «Йистебницкий канционал» (опубл. 1872). Деятельность Яна Гуса подготовила появление Священного Писания на чешском языке, и возник этот перевод, сделанный с Вульгаты, именно в гуситской среде. Первая печатная Библия на чешском языке – Пражская Библия – вышла в 1488 г. Затем моравскими братьями был создан новый перевод – Кралицкая Библия (1589), которая появилась уже под влиянием перевода Лютера. Примечательно, что в начале XVI в. чешский издатель Микулаш Конач из Ходишкова (ум. ок. 1546) опубликовал свой перевод на чешский язык переложений Псалмов Давида, выполненных Петраркой.

И все же особый стимул к освоению Псалтири в славянских литературах дает великий поэт польского Ренессанса Ян Кохановский (1530–1584), который, начав переводить с латыни библейские Псалмы, создал в 1570–1575 гг. на польском языке парафразы всех 150 Псалмов – свою

авторскую «Псалтирь Давидову». Как отмечает И. Н. Голенищев-Кутузов, «его парафраз – один из наиболее удачных в эпоху Возрождения. Перевод Кохановского оказал значительное влияние на украинскую и русскую литературы, а также на венгерскую (Балашши¹). (Следует заметить – и на белорусскую литературу. – Г.С.) Музыкальность стиха и разнообразие ритмики и строфики в “Псалтири” Кохановского, яркость и убедительность метафор свидетельствуют, что польская ренессансная поэзия достигла художественной зрелости и самостоятельности»².

Вслед за Я. Кохановским к переложениям Псалмов обращается польский поэт, деятельность которого связана с Литвой, – Ольбрыхт Кармановский («Покаянные псалмы»), русско-украинско-белорусский поэт – крупнейший поэт восточнославянского барокко – Симеон Полоцкий (1629–1680) и др. Цикл «Псалмы покаянные царя Давида» (1621) написал на хорватском языке выдающийся поэт «вольного города» Дубровника Иван Гундулич (1589–1638). В 1636 г. в Словакии чешский эмигрант, евангелический священник Юрай Тарновский (1592–1637) издал сборник духовных песен «Цитра святых», куда вошли старые чешские и словацкие духовные песни, переводы с латинского и немецкого, а также собственные произведения Юрая Тарновского. Этот сборник стал эталоном поэтического творчества для чешской и словацкой культур. В Словении перевод Библии (1584), выполненный Юрием Далматином (1547–1589), дал импульс к творчеству на словенском языке. Религиозные песни и церковные гимны, насыщенные аллюзиями на Книгу Псалмов, создавали, переводили и издавали каноник Матия Кастелец (1620–1688), епископ Томаж Хрен (1560–1630).

---

¹ Балинт Балашши (1554–1594) – великий поэт венгерского Ренессанса, создатель поэзии на венгерском языке, основоположник венгерского литературного языка.

² Голенищев-Кутузов, И. Н. *Польская литература* / И. Н. Голенищев-Кутузов // *История мировой литературы: в 9 т.* – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 451.

В восточнославянских культурах (русской, украинской, белорусской) освоение Библии, в том числе и Псалтири, на формирующихся национальных языках начинается в XVI в. Свою версию Книги Псалмов в переводе с латинского и с ориентацией на чешское издание (но с показательным стремлением проникнуть в трудных местах в суть древнееврейского оригинала) дает в своей Библии, названной «Бивля руска» («Русская Библия»), изданной в Праге в 1517–1519 гг. и обращенной к «людям простым посполитым» (т. е. к людям светским), белорус Георгий-Франциск Скорина (ок. 1490 – до 1552), в языке которого соединяются элементы церковнославянского, древнерусского и старобелорусского языков¹. Великоросс Иван Федоров, «друкар книг пред тым невиданных», публикует знаменитую Острожскую Библию (1581), где, естественно, представлена и Псалтирь (в основе текста лежала Геннадиевская Библия, изданная в Новгороде в 1499 г.). Идеолог антитринитаризма в Беларуси, Польше и Литве, приверженец кальвинизма Симон (Шимон) Будный (1530–1593), человек энциклопедической образованности, переводит Библию на польский язык (с сильными элементами белорусского языка) с оригинала и сопровождает текстологическими комментариями. Возникают и отдельные издания и новые переводы Псалтири. Так, в Москве в 1683 г. появляется Псалтирь в переводе Авраамия Фирсова, который осуществил этот перевод, по его словам, «на простом, обыклом словенском языке ради истинныя ведомости и уверения неразумных и простых людей». Попытка была осуждена Церковью, и при жизни А. Фирсова его перевод Псалтири не был опубликован. Он был издан только в XX в. в Германии².

Так или иначе импульсы, полученные от Псалтири, сказываются в творчестве восточнославянских (русско-украинских) поэтов XVII в. Они очевидны не только в по-

---

¹ См. факсимильное изд.: Библия: Факс. ўзнаўленне Бібліі, выд. Ф. Скарынаў ў 1517—1519 гг. У 3 т. – Мінск, 1990–1991.

² См.: *Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова* / подгот. текста Е. А. Целуновой. – München, 1989.

эзии Симеона Полоцкого, но и в сборнике «Имнология» (Киев, 1630), составленном Киево-Печерскими типографами и посвященном митрополиту Петру Могиле, а также в Загоровском и Киево-Михайловском сборниках религиозно-философской лирики, которые составили Дамиан Наливайко (ум. 1627), Памва Берында (ум. 1632), Кирилл Транквиллион Ставровецкий (ум. 1646), Лазарь Баранович (ум. 1693), Стефан Яворский (1658–1722), Димитрий Туптало (1651–1709).

Поэтика Псалмов важна и для поэзии знаменитого реформатора Русской Церкви, проповедника и самого крупного русского (точнее – украинско-русского) писателя первой трети XVIII в. Феофана Прокоповича (1681–1736), автора трактата «О поэтическом искусстве» («De arte poetica», 1705). Как известно, Феофан Прокопович писал на русском, польском и латинском языках. Уже при его жизни на тексты его стихотворений писались духовные песнопения (канты). Особенно известны канты «Кто крепок, на Бога уповая...», «О суетный человек, рабе неключимый...» (в нем очевидны также аллюзии на Книгу Экклесиаста). В наследии Феофана Прокоповича есть и непосредственные переложения Псалмов: «Всяк себя в помощь Вышняго предавай...» (переложение Псалма 91/90-го), переложения Псалмов 37/36-го и 73/72-го, названные «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72». Эти переложения приняты были впоследствии за стихотворения А. Д. Кантемира, на которого Феофан Прокопович оказал влияние. Его авторство впервые установила белорусская исследовательница Т. Е. Автухович¹. Вслед за Симеоном Полоцким Феофан Прокопович перелагает Псалмы силлабическим стихом, в коротких строках которого более акцентирован ритм, с четкой рифмой. Например, начало «Metaphrasis Ps. 36»:

Кто любит Бога, не ревнуй лукавым,
Ниже завиди грешникам неправым,

---

¹ См.: Автухович, Т. Е. *Об авторстве «Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72»* / Т. Е. Автухович // *Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой.* – Л., 1986. – С. 154–160.

Ибо исчезнут, яко трава, вскоре,
Яже зелена при утренней зоре¹.

Топика Псалмов важна для поэзии Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708–1744), самого крупного русского поэта силлабической (доломоносовской) эпохи, который начал свой творческий путь с составления в 1726 г. «Симфонии на Псалтырь» – систематизации изречений из Псалтири. Свою рукопись он преподнес императрице Екатерине II, и в 1727 г. она была опубликована большим для того времени тиражом – 1250 экземпляров.

И все же подлинным основателем как новой русской поэзии, так и нового обращения с текстами Псалмов стал Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765), кардинально реформировавший русскую поэзию. Русскую силлаботонику Ломоносов создал, ориентируясь на реформу М. Опица в Германии, а его переложения Псалмов возникли с учетом опыта немецкой духовной песни, особенно П. Герхардта и И. К. Гюнетра (опыт последнего был важен и для создания Ломоносовым русской оды в стиле классицизма). Впервые в русской поэзии мысли Псалмопевца были облечены в чеканную форму русского четырехстопного ямба, как в «Переложении Псалма 1-го» (между 1743 и 1751):

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать,
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.

\...Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.¹

---

¹ Прокопович, Ф. *Стихотворения* / Ф. Прокопович // *Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН*. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5096>. – Дата доступа: 30.04.2016.

В русской поэзии XVIII в. переложения Псалмов и вариации на их темы создавали как известные поэты – Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1769), Александр Петрович Сумароков (1717–1777), Гавриил Романович Державин (1743–1816), Василий Иванович Майков (1728–1778), Федор Яковлевич Козельский (1734 – после 1799), Николай Петрович Николев (1758–1815), Иван Владимирович Лопухин (1756–1816), Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), так и менее или мало известные – А. Протопопов, Е. Корнеев, Вышеславцев, Бурчинский, Петров, А. Решетников, Нестерович².

Традиция переложений Псалмов была продолжена в русской поэзии XIX в. К этому жанру обращались Василий Андреевич Жуковский, священник и поэт Гавриил Авраамович Пакатский (1756–1830 или 1840), Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835), Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767–1829), Иван Андреевич Крылов (1769–1844), Федор Николаевич Глинка (1786–1880), Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829), Михаил Александрович Дмитриев (1796–1886), Николай Михайлович Языков (1803–1846), Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883), Лев Александрович Мей (1822–1862), известный русский историк Иван Егорович Забелин (1820–1908), публицист и критик белорусско-польского происхождения Ангел Иванович Богданович (1860–1907) и др. Особенно высокими художественными качествами отличаются переложения Ф. Н. Глинки, очень часто обращавшегося как к Книге Псалмов, так и к другим библейским текстам (сборники «Опыты священной поэзии», 1826; «Духовные стихотворения», 1839; последний

---

¹ *Поэзия небес: Бог и человек в русской классической поэзии XVIII–XX веков* / сост. Д. Д. Галютин. – СПб.: Библия для всех, 2000. – С. 7.

² О переложениях XVII–XVIII вв. см. подробнее: Луцевич, Л. Ф. *Псалтырь в русской поэзии* / Л. Ф. Луцевич. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2002. – 608 с.

переиздан с дополнениями в 1869 г.), Н. М. Языкова, Л. А. Мея.

На рубеже XIX–XX вв. усиливается интерес к Библии и библейской поэзии. К переложениям Псалмов обращаются русские поэты-символисты Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924), Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949), Федор Кузьмич Сологуб (1863–1927). На топике и стилистике Псалмов основан знаменитый сборник великого австрийского поэта Райнера Марии Рильке (1875–1926) «Часослов» (1905), написанный под знаком России. Отзвуки Псалмов есть и в других сборниках Рильке, а его библейские стихи вдохновляют Бориса Пастернака, Марину Цветаеву, Анну Ахматову.

Образность, стилистика, ритмика библейских Псалмов отзываются в поисках европейского авангарда, прежде всего в поэзии немецких экспрессионистов – Георга Тракля (1887–1914), Георга Гейма (1887–1912), Франца Верфеля (1890–1945), Ивана Голя (1891–1950), Иоганнеса Роберта Бехера (1891–1958), но особенно – в поэзии еврейско-немецкой поэтессы Эльзы Ласкер-Шюлер (1869–1945), которую неслучайно назвали «верной дочерью Псалмопевца»¹. Символика и стилистика Псалмов чрезвычайно важна для поэзии выдающегося немецкого лирика XX в. Иоганнеса Бобровского (1917–1965), а также для его братьев по духу, великих немецко-еврейских поэтов XX в. – лауреата Нобелевской премии 1966 г. Нелли Закс (1891–1970), Розы Ауслендер (1901–1988), Пауля Целана (1920–1970).

Диалог с великой Книгой Псалмов продолжает длиться и в литературе постмодернизма, и в литературе рубежа XX–XXI вв. Так, уникальный цикл из переложений Псалмов в 60-е гг. XX в. создал поэт русского андеграунда Генрих Вениаминович Сапгир (1928–1999). В трудное, переломное время, в 90-е гг. XX в. белорусский поэт Рыгор

---

¹ Определение известного израильского ученого и писателя Шалом Бен-Хорина (*Else Lasker-Schüler: Dichtungen und Dokumente* / hrsg. von E. Ginsberg. – München, 1951. – S. 588).

Иванович Бородулин (1935–2014) создал цикл переложений Псалмов под названием «Псалмы Давидовы» («Псалмы Давидавы», 1999).

Многие европейские поэты в великом соревновании с Давидом-Псалмопевцем стремились дать целостное переложение Псалтири – всех ста пятидесяти Псалмов. Начало этому в христианской гимнографии положил Бардесан, а в светской европейской поэзии – Ян Кохановский. Под воздействием его «Псалтири Давидовой» и в творческом соревновании с ней возникает «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1675), само название которой указывает на принципиально иную форму переложений Симеона Полоцкого в сравнении с оригиналом: они написаны силлабическими стихами с рифмой, отсутствующей в библейском тоническом стихосложении. Это же подчеркивает в своей «Псалтири в стихах» (1673) митрополит Молдавии Досифей (Димитрие Барила, 1624–1693), явившийся основоположником румынской (молдавской и валашской) письменной поэзии (при этом образцом для него была «Псалтырь» Кохановского). Псалмы Досифея были очень популярны в Молдавии, Валахии и Трансильвании; многие из них стали народными песнями-колядами. В немецкой литературе оригинальное целостное переложение Псалтири, во многом предваряющее экспериментальные поиски поэтов-экспрессионистов начала XX в., создает Квиринус Кульман – «Kühlpsalter» («Псалтырь Кульмана», или «Псалтырь охлаждающая», 1684–1686; по замыслу автора, охлаждающая от адского пламени, ибо мир, как утверждал Якоб Бёме, «уже стоит посреди ада»).

В русской поэзии XIX в. полное переложение Псалтири на русский язык выполнил уже упоминавшийся Г. А. Пакатский, священник, поэт и переводчик. В начале 1810-х гг. он начал перелагать стихами книги Библии – главы Книги Исхода, Второзаконие, Первую Книгу Царств, книги пророков, Евангелие от Луки. Все это вошло в «Священную поэму, состоящую из девяти песен, воспетых устами Богодуховенных человек...» (СПб., 1814). Тогда же вышла «Поэма Плач Иеремии...», которая представляла со-

бой переложение книги архимандрита Анастасия, изданной в 1797 г. с посвящением губернатору и главнокомандующему Москвы Ф. В. Ростопчину. Обе поэмы созвучны по главным мотивам и настроению: бедствия родины, трагедия разрушения и упование на Бога, на Его спасение. Однако главным произведением Г. А. Пакатского стала «Псалтирь в стихах» (ч. 1–2, СПб., 1818), за которую он удостоился денежной премии Российской академии наук (согласно формулировке академиков, «предпринял великий труд переложить всю Псалтирь стихами. Он совершил сие дело с... немалым достоинством»). Отдельные переложения Г. А. Пакатского вошел в известный сборник «Стихотворное переложение Псалмов пророка и царя Давида», СПб., 1869, 1874; М., 2006). Вторично Пакатский получил академическую награду за пересказ в стихах «Великого канона» Андрея Критского («Благочестивое говеющих занятие...», СПб., 1829). Среди его переложений также парафраз второканонической Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова (СПб., 1825).

В XX в. полные переложения Псалтири выполнили выдающийся русский поэт-переводчик Наум Исаевич Гребнев (1921–1988)¹, русскоязычные израильские поэты Наум Исаакович Басовский (род. 1937)², Вера Яковлевна Горт³, Давид Адесман⁴, русскоязычная украинская поэтесса Ирина Александровна Евса (род. 1956), современный

---

¹ См.: *Книга Псалмов. (Псалтирь)* / пер. в стихах Н. Гребнева. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» : Школа-пресс, 1994. – 252 с.; *Псалмы Давида* / пер. и стихотв. переложение Псалмов Н. Гребнева. – СПб.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. – 283 с.; *Шедевры библейской поэзии : Сотворение мира. Псалмы. Экклезиаст* / стихотв. перелож. Г. Плисецкого и Н. Гребнева. – М.: РИПОЛ классик, 2001. – 380 с.

² См.: *Из ТАНАХА* / стихотв. переложения Н. Басовского. – М.: Знание; Иерусалим: Даат, 2008. – С. 391.

³ См.: *Псалмы царя Давида, жреца Асафа, трех Кораховых сыновей – певцов, Моше-пророка, царя Шломо, Эйтана-мудреца* / стихотв. переложение с иврита В. Горт. – М.: Э.РА, 2001. (2-е изд. – 2005).

⁴ См.: Адесман, Д. *Песни Псалмов* / Д. Адесман. – М.: Э.РА, 2005. – 258 с.

русский поэт и прозаик Максим Игоревич Лаврентьев (род. 1975)¹.

В 1975–1985 гг. новый полный перевод Псалтири с церковнославянского языка на современный русский с учетом особенностей православного богослужения был выполнен Е. Н. Бируковой и И. Н. Бируковым (опубликована впервые в 2007 г., 2-е изд. – 2010 г.)². Как уже отмечалось, новый полный перевод Книги Хвалений с иврита – перевод с элементами авторского переложения – выполнил в 2013 г. русско-израильский поэт Арье Ротман (род. 1954). Все это еще раз свидетельствует о неугасающем интересе к великой поэзии Псалмов.

Начиная со Средневековья Псалтирь была наиболее популярной книгой Ветхого Завета в христианском мире; ее часто присоединяли в рукописях и печатных изданиях к Новому Завету. В силу этого рукописи, а затем и печатные издания Псалтири часто иллюстрировались миниатюрами. Наиболее популярный их мотив – изображение Давида, играющего на арфе (впоследствии этот образ вдохновит Эжена Делакруа, Эдуарда Юлиуса Фридриха Бендемана и других художников Нового времени).

Музыка, растворенная в Книге Хвалений, притягивала к себе внимание многих безвестных и великих композиторов. Псалмы по-прежнему поются в иудейской литургии по древним знакам кантилляции в тексте Масоретской Библии. На тексты Псалмов создавались антифонные хоры византийской литургии и монодические хоры литургии латинской (знаменитый григорианский хорал, который возник на основе текста *Psalterium Gallicanum*). С эпохи Позднего Средневековья Псалмы в католической литургии стали обрабатывать многоголосо (и уже по текстам *Psalterium Romanum*). Самыми популярными Псалмами,

---

¹ См.: *Псалмы Давида* / стихотв. переложение М. Лаврентьева. – М.: Академика, 2015.

² См.: *Псалтирь пророка и царя Давида в переводе на русский язык* / пер. Е. Н. Бируковой, И. Н. Бирукова. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та, 2007; 2-е, испр. изд. – М.: Библиотека «Благовещение», 2010.

тексты которых многократно положены на музыку целиком, были Псалом 51/50-й (*Miserere*), Псалом 117/116-й (*Laudate Dominum omnes gentes*), Псалом 110/109-й (*Dixit Dominus Domino meo*), Псалом 130/129-й (*De profundis clamavi*) и Псалом 150-й (*Laudate Dominum in sanctis eius*). Что же касается отдельных стихов разных Псалмов, то они были положены композиторами в основу различных музыкальных жанров, прежде всего мотета. Как отмечают музыковеды, примеров воплощения отдельных псалмовых стихов в профессиональной музыке Позднего Средневековья, Ренессанса и XVII века (прежде всего в музыке барокко) тысячи.

Начиная с XV в. появляются отдельные музыкальные композиции на тексты Псалмов – от полифонических мотетов XVI–XVII вв. до свободных композиций XIX–XX вв. Музыкальные произведения на тексты и темы Книги Хвалений создали Жоскен Дебре (ум. 1521), Орландо ди Лассо (1532–1594), Джоаванни Пьерлуиджи Палестрина (1525–1594), Ян Питерсзон Свелинк (1562–1621), Генрих Шютц (1585–1672), Жан Баттист Люлли (1632–1687), Антонио Вивальди (1678–1741), Иоганн Себастьян Бах (1685–1750), Кристоф Виллибальд Глюк (1714–1787), Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791), Йозеф Гайдн (1732–1809), Франц Шуберт (1797–1828), Феликс Мендельсон-Бартольди (1809–1847), Ференц Лист (1811–1886), Шарль Франсуа Гуно (1818–1893), Антон Брукнер (1824–1896), Иоганнес Брамс (1833–1897), Макс Регер (1873–1916), Арнольд Шёнберг (1874–1951), Ильдебрандо Пиццетти (1880–1968), Джан Франческо Малипьеро (1882–1973), Золтан Кодай (1882–1967), Игорь Федорович Стравинский (1882–1971; «Симфония Псалмов», 1930; впервые исполнена в Иерусалиме в 1968 г.), Артур Онеггер (1892–1955), Франсис Пуленк (1899–1963), Леонард Бернстайн (1918–1990; «Чичестерские Псалмы», 1965), София Асгатовна Губайдулина (род. 1931), Арво Августович Пярт (род. 1935), Джон Раттер (род. 1945), Александр Юрьевич Радвилович (род. 1955) и др. В свою очередь многих композиторов вдохновляли и переложения Псалмов, и поэтические произведения,

созданные по мотивам Псалмов. Так, выдающийся русский певчий и композитор XVII – начала XVIII в., один из крупнейших мастеров в области партесного пения Василий Поликарпович Титов (ок. 1650 – ок. 1715) написал музыку (1686) к «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого; духовные песни П. Герхардта вдохновили И. С. Баха на создание его хоралов; музыку к духовным песням К. Ф. Геллерта писал Людвиг ван Бетховен («Похвала Богу от природы», или «Небеса благословляют славу Владыки», – переложение Псалма 19/18-го) и др.

Все это еще раз подтверждает, что Книга Хвалений (Псалтирь) – огромный мир, целая вселенная, вмещающая Бога и человека, наиболее глубоко и полно раскрывающая духовный и душевный мир человека. Книга Псалмов оставила глубочайший след в мировой культуре, в разных сферах искусства, но прежде всего в поэзии и музыке. Библейские Псалмы и поныне остаются гениальными созданиями человеческого духа и искусства, дающими опору человеческой душе и вдохновляющими на творчество. Сопровождая свои переводы Книги Хвалений, А. Ротман пишет: «Книга Псалмов – наше убежище от боли. Их тепло согревает холод бытия, наполняет душу надеждой, исцеляет от безверия. В этих прекрасных стихах человек предстает таким, каким сотворен: зыбкой границей миров, слабым, вечно колеблемым, но не гаснущим пламенем на ветру добра и зла, жизни и смерти, веры и отчаяния»¹. С этими словами трудно не согласиться.

---

¹ *Книга Хвалений*. – С. 311 (оборотная сторона обложки).